

Санкт-Петербургский государственный университет

ЧЭНЬ Сяовэй

Выпускная квалификационная работа

Передача реалий романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в переводах на польский и хорватский языки

Уровень образования: магистратура
Направление 45.04.01 «Филология»
Основная образовательная программа ВМ.5831.2019 «Славянские языки и литературы»

Научный руководитель:
Доц. канд. филол. наук,
кафедра славянской филологии,
Ермола В. И.

Рецензент:
Проф. д-р филол. наук,
Вроцлавский университет,
Кусаль К.

Санкт-Петербург
2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. Введение в историю и проблемы передачи реалий межславянского перевода на фоне произведений Ф. М. Достоевского.....	10
1.1 История межславянского литературно-художественного перевода.....	10
1.2 История переводов произведений Ф. М. Достоевского и изучения философии его творчества в славянских странах.....	16
1.3 История развития концепции реалий в переводоведении.....	20
1.4 Проблема передачи реалий при осуществлении межславянского перевода.....	23
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.....	31
ГЛАВА II. Становление системы приемов передачи реалий на фоне произведений Ф. М. Достоевского.....	35
2.1 Систематические анализы переводов произведений Ф. М. Достоевского.....	35
2.2 Различные подходы к передаче реалий в диахроническом аспекте.....	39
2.3 Классификация приемов передачи реалий.....	41
2.4 Приемы механической передачи реалий.....	44
2.5 Передачи реалий путем создания новых слов.....	46
2.6. Разъясняющие приемы.....	48
2.7. Уподобляющие приемы.....	50
2.8. Опущение.....	54

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II.....	55
ГЛАВА III. Приемы передачи реалий в польском и хорватском переводах романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»	59
3.1 Тематическая классификация реалий в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».....	59
3.2 Приемы передачи реалий из различных тематических групп русских словарных реалий в польских и хорватских переводах романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».....	60
3.2.1. Географические реалии.....	60
3.2.2 Этнографические реалии.....	61
3.2.2.1. Бытовые реалии.....	62
3.2.2.2. Реалии труда и досуга.....	72
3.2.2.3. Реалии культуры, искусства, религии.....	74
3.2.2.4. Реалии-меры.....	77
3.2.2.5. Реалии-деньги.....	79
3.2.3. Общественно-политические реалии.....	80
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III.....	87
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	91
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	96
СПИСОК СЛОВАРЕЙ.....	100

Введение

Настоящее диссертационное исследование посвящено анализу принципов передачи реалий при осуществлении перевода на иностранный язык: переводческих подходов и их сочетаний, эффективности их использования в тех или иных ситуациях, причин, определяющих выбор конкретного приема, и адекватности эквивалентов русских реалий, использованных в переводах произведений Ф. М. Достоевского.

В современном переводоведении перевод считается формой межъязыковой коммуникации, направленной на замещение исходного текста создаваемым в отличающейся культурно-языковой среде вторичным текстом. Любой язык несет в себе уникальные черты культуры, быта и истории определенного народа; восприятие же этих языковых единиц может вызывать сложности у носителей других языков и культур. Подобные национально-специфичные языковые особенности имеются и на лексическом уровне, самыми частотными из них являются реалии.

Одна из основных тем для современных российских филологов – это то, как воспринимают русскую литературу в иноязычной культурной среде, при этом часто происходит обращение к богатому литературному наследию наиболее выдающихся русских писателей, к перцепции их работ в других культурах. Значимость и признание данных писателей со временем не только не уменьшились, но и возросли вследствие изменения исторической перспективы человечества. Безусловно, к ряду подобных русских авторов относится и Федор Михайлович Достоевский. Именно Ф. М. Достоевский может считаться настоящим феноменом русской культуры, наиболее востребованным за рубежом.

Тем не менее, восприятие произведений, написанных на другом языке, является чтением адаптированных, измененных текстов, то есть переводов, а не оригиналов. Вследствие этого, стоит отметить, что особенно важно уделять внимание не просто калькированию текста, а именно его

воссозданию на языке перевода. Особенно это касается национально-специфичной лексики.

Перевод национально-специфичной лексики всегда являлся проблемой. В 1950-1960-х гг. появились работы, исследовавшие приемы передачи безэквивалентной лексики с реалиями как ее составной частью, а в 1970-1980-х гг. были написаны труды, рассматривавшие передачу реалий уже как отдельную концепцию. Начиная с 1990-х гг., наметился новый подход к исследованию проблемы, обусловленный обособлением языковедческих наук, для которых реалии были одним из основных объектов изучения, что привело к рассмотрению способов их передачи в разного рода аспектах.

Однако, невзирая на наличие существенного интереса к исследованию передачи реалий в переводе, вопрос выбора того или иного переводческого приема с учетом влияющих контекстуальных факторов все еще недостаточно изучен. Малоизученной остается продуктивность использования некоторых переводческих приемов, а также их сочетаний. Раскрытие принципов осуществления передачи реалий и анализ адекватности использования переводных эквивалентов в переводах произведений Федора Михайловича Достоевского вносят вклад в расширение понимания проблем теории и практики перевода, а также содействуют нахождению их решений, что указывает на **актуальность** исследования в этом направлении.

Объектом исследования данной работы являются процесс передачи реалий на иностранный язык. **Предмет** же исследования – приемы передачи русских реалий при осуществлении межславянского перевода на фоне переводческих версий романов Ф. М. Достоевского.

Научная новизна исследования заключается в малоизученности особенностей интерпретации переводчиками работ Ф. М. Достоевского в контексте межславянского перевода и, прежде всего, приемов передачи реалий при осуществлении перевода на близкородственные славянские языки.

Цель данной работы состоит в том, чтобы исходя из анализа представленных приемов передачи реалий выстроить определенную систему переводческого процесса и выявить закономерности ее применения в контексте передачи русских реалий на фоне переводов произведений Ф. М. Достоевского. Эта цель ставит перед нами следующие **задачи**:

- 1) Дать обзор истории межславянского перевода и проблеме передачи в нем реалий;
- 2) Дать комментарий культурной ситуации в исследуемых славянских странах и восприятию в них произведений Ф. М. Достоевского;
- 3) Предоставить анализ подходов к проблеме передачи реалий в целом и в межславянском переводе в частности и истории развития и изучения данной проблемы;
- 4) Систематизировать и классифицировать приемы передачи реалий на фоне переводов произведений Ф. М. Достоевского;
- 5) Исследовать факторы, имеющие влияние на выбор приема передачи реалий в ходе осуществления художественного перевода.

Материалом для исследования послужил текст романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и его переводы на польский и хорватский языки, а также данные двуязычных и одноязычных толковых словарей русского, польского и хорватских языков, русского семантического словаря, специальных справочников и энциклопедических словарей.

Методы исследования: метод научного описания, сравнительно-исторический, сопоставительный метод анализа, структурный. Исследование выполнялось в рамках переводоведения. Тексты перевода сопоставлялись с исходными для выявления приемов передачи реалий, также сопоставлялись тексты различных переводов для выявления наиболее удачных решений.

Теоретической базой исследования являются работы по общим вопросам теории и практики перевода (А. В. Федоров, И. С. Алексеева,

Е. М. Верещагин, Я. И. Рецкер, В. Н. Комиссаров, Т. Л. Мотылёва, П. М. Топер, Г. Э. Мирам, Д. О. Добровольский и др.), вопросам переводов художественных текстов (С. Флорин, О. А. Бирюкова, В. В. Виноградов, И. В. Гюббенет, Д. О. Добровольский, С. И. Влахов), лексическим вопросам перевода (В. С. Виноградов), литературоведению (А. В. Липатов, Д. С. Лихачев, П. М. Топер) и теории реалий (Н. А. Фененко, Г. В. Быкова, Г. Д. Томахин).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы на семинарах и занятиях по теории и практике перевода, а также в спецкурсах переводоведения.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что: 1) изложен и обобщен опыт освоения переводов произведений Ф. М. Достоевского в Польше и Хорватии; 2) внесен вклад в решение проблем переводоведения путем классификации приемов передачи реалий при межславянском переводе, а также в изучение факторов, оказывающих влияние на выбор приема передачи реалий в ходе осуществления перевода русской художественной литературы на польский и хорватский языки.

Научная гипотеза работы: предполагается, что, достигнув оптимального баланса между лингвокультурами исходного языка и языка-реципиента в ходе осуществления перевода, а также подобрав наиболее подходящий для конкретного контекста прием передачи реалий, можно добиться максимальной общности содержания текстов оригинала и перевода.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В исследуемых романах Ф. М. Достоевского имеется значительное количество российских реалий, включающих в себя три основных типа реалий: географические, этнографические и общественно-политические. Из них наиболее представлены этнографические реалии;

2. Основанием классификации приемов передачи реалий при переводе являются национально-языковые отношения (формальные и смысловые), определяющие потенциальные языковые связи и взаимодействие между различными элементами исходного текста и текста перевода. В соответствии со способом передачи реалии, а также сохранением или опущением национального колорита исходного текста обособлены следующие основные группы приемов: механические приемы передачи реалий, создание новых слов (введение неологизмов), уподобляющий перевод, разъясняющие приемы;
3. Одни и те же ономастические реалии в разных славянских культурах могут обладать существенно отличающимся, даже противоположным смысловым наполнением. Это приводит к необходимости переводческой адаптации ономастической системы оригинала таким образом, чтобы достигнуть наиболее точного отображения коннотаций, установленных автором;
4. Родство составляющих славянской межъязыковой среды может как содействовать осмыслению и подбору наиболее подходящего приема передачи реалий в контексте, так и приводить к ложным семантическим сближениям в связи с омонимией, отсутствием или расхождением реалий в исходном языке и языке перевода;
5. Художественный перевод представляет из себя одну из форм межкультурной коммуникации, а также независимый культурный феномен, реализующий восприятие культурной идентичности. Процесс перевода является толкованием оригинального текста в инокультурной среде, и для художественного перевода основной можно назвать культурологическую функцию: лишь при достижении максимальной культурной эквивалентности текстов оригинала и

перевода переводчик может предоставить читателю возможность получить адекватную информацию об иной культуре.

Структура работы. Данная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, списка словарей и списка сокращений.

Во **введении** обосновывается актуальность поставленной проблемы, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, а также научная новизна, практическая и теоретическая значимость исследования и формулируются научная гипотеза и основные положения, выносимые на защиту.

В **первой** главе работы уточняется объем понятия реалии и последовательность его развития как концепции, а также рассматривается история исследования проблемы его передачи в переводах. Дается обзор хронологии эволюционирования межславянского художественного перевода, в том числе на фоне произведений Ф. М. Достоевского, а также анализируются проблемы передачи реалий в переводе с русского на польский и хорватский языки.

Во **второй** главе осуществляется анализ подходов к проблеме передачи реалий при осуществлении межславянского перевода на фоне произведений Ф. М. Достоевского. Уточняются принципы классификации приемов передачи реалий, а также проводится исследование систематических анализов переводов произведений данного автора.

В **третьей** главе осуществляется сопоставительный анализ использованных приемов перевода русских реалий в польских и хорватских переводах произведений Ф. М. Достоевского для того, чтобы выявить особенности и закономерности применения тех или иных переводческих приемов и их сочетаний в отношении реалий из определенных тематических групп, а также найти решения с наибольшей общностью с оригиналом.

В **заключении** сопоставляются результаты проведенного исследования и подводятся его итоги.

I. Введение в историю и проблемы передачи реалий межславянского перевода на фоне произведений Ф. М. Достоевского

1.1 История межславянского литературно-художественного перевода

Литературные языки у восточных и южных славян на протяжении истории были очень схожими, у них можно отметить огромное количество общих черт как синтаксических, так и лексических, что обусловлено их связями через наследие ранее распространенных праславянского и церковнославянского языков. Н. А. Мещерский отмечает, что сложившийся в результате деятельности представителей разных славянских народностей и на территории различных славянских стран, древнеславянский письменно-литературный язык в начальную эпоху своего общественного функционирования представлял собою единую и общую фонетическую, грамматическую и лексико-стилистическую систему, понятную для всех носителей славянских наречий [Мещерский 1978: 15]. Носители восточнославянских языков могли понимать южнославянские литературные произведения, даже не обладая знанием южнославянских языков или наречий. Как замечает А. А. Турилов, пространство книжного языка славян, как и их литературное пространство, в средние века отличалось относительным единством [Лихачёв 1979; Турилов 2012].

В XIV-XV вв. начался процесс расхождения между литературными славянскими языками в аспектах лексики и стилистики. Как указывает Л. С. Ковтун, уже в XIV-XV вв. перечни славяно-русских соответствий подтверждали развивающуюся мысль о самостоятельности русского языка, его особенности по отношению к другим славянским языкам [Ковтун 1991: 203]. Затем в XVI-XVII вв. появились произведения, характерные для носителей украинского и белорусского языков, одновременно с так называемой «русской мовой» и писавшимися церковнославянскими текстами. В тот же период произведения на польском языке часто публиковались

текстом практически идентичным переводу на «русскую мову», так как в то время, кроме различия в системах письменности (латиница-кириллица), другие отличия между польским языком и русской мовой были не столь велики: «Ряд переводов с польского напоминает местами своеобразную транслитерацию с латиницы в кириллицу, с изменением только некоторых фонетических соответствий и сохранением устойчивых морфологических восточнославянских черт» (Толстой 1988: 63).

Стоит заметить, что развитие перевода с одних славянских языков на другие было тесно связано с активным становлением и формированием национальной идентификации и народного самосознания славянских народов. Кроме того, культурная экспансия также оказала немаловажное влияние на эволюцию межславянского перевода, в частности, примерами могут послужить заимствования из турецкого в южнославянских языках (которые до сих пор активно используются) или влияние лексики немецкого языка на западнославянские языки.

XVI век является ключевым столетием в истории литературного межславянского перевода: именно с XVI в. начинается его существование как явления в отношениях между славянскими государствами в принципе, хотя до этого в большинстве случаев славянские языки играли лишь роль посредников для перевода с более значительных языков культурного влияния (например, переводов с турецкого на сербский, с немецкого на чешский, с латыни на польский).

А. И. Рогов утверждал: «Активное становление и развитие славяно-славянских культурных связей и соответственно литературного перевода, в том числе славяно-русского, пришлось на XVII-XVIII вв. – эпоху интенсивного развития литературного русского языка и его системы стилей» (Рогов 1979: 10). Как раз в то время появились первые панслависты и славянские литературоведы, которые оказали важное влияние на развитие

межславянского литературного перевода. Хорватский богослов, философ и лингвист Юрий Крижанич, написавший «Gramatično iskazanje ob ruskom jeziku», был одним из таковых. Он стал не только одним из первых грамматиков славянских языков, но и создателем теории славянской литературной взаимности и осознания славянского народного единства.

Можно отметить, что на тот момент польский был основным славянским языком, при помощи которого осуществлялись переводы на русский язык. При переводах множества западных произведений, в основном французских, польский язык был посредником - именно через центральную Европу произведения попадали на Русь вместе с их литературными традициями. А. В. Липатов отмечал, что, кроме того, и чешские переводы могли выполняться при посредничестве польских, как это было впоследствии с переводом поэмы Торквато Тассо «Освобождённый Иерусалим» [Липатов 1987].

Период с конца XVIII до конца XIX века считается временем процессов самоидентификации славянских народов и унификации славянских наций. Выдающийся сербский педагог и лингвист Вук Стефанович Караджич опубликовал «Српски рјечник истолкован њемачким и латинским ријечима», в Польше был издан первый польский толковый словарь «Słownik języka polskiego», в Чехии началось движение национального возрождения «Národní buditelé», которое оказало огромное влияние на подобные движения в Словакии, Словении и других славянских странах. В 1826 г. в Чехии возник термин «панславизм» для обозначения идеи славянского единства, распространившейся среди большинства славянских народов и заложенной ещё в XVII в. Юрием Крижаничем [Лаптева 2005: 444]. Стоит заметить, что становление национальных культур у славян было тесно связано с активными взаимодействиями между их народами. И. Арсенова отмечает: «Так в XIX в. продолжается развитие славянской лексикографии, как моноязычной, что

сопровождает становление национального языка, так и двуязычной. Характерно, что эквиваленты к лексемам национального языка составителями предлагаются, как правило, именно на русском языке, так как политическая и культурная роль Российской империи в движении национального возрождения славянских народов была исключительно велика, в особенности для балканских славян» [Арсенова 2002].

Одной из важнейших черт периода возрождения славянских народов - интерес к русской культуре у южных и западных славян. Как отмечает Л. П. Лаптева, в качестве решающего фактора развития интереса к славянским культурам в XIX в. выступила не столько сложившаяся общественно-политическая обстановка, сколько культурное развитие самой России [Лаптева 2005: 232].

Об интересе к славянской литературе в российском обществе XIX века свидетельствует и тот факт, что практики и проблематики славянского перевода в этот период в своём творчестве коснулось большинство писателей. Как переводчик со славянских языков выступал и А. С. Пушкин, в творческих исканиях которого в 1830-е гг. славянская тема становится одной из ведущих [Фомичев 1983: 130].

Также стоит заметить, что на протяжении XIX века литература западных и южных славянских народов переводилась в Российской империи тогдашними известными литераторами, такими как Н. Г. Чернышевский, В. М. Лавров и др. Одновременно с этим множество признанных ученых и лингвистов также занималось переводами со славянских языков; в свою очередь, в южнославянских и западнославянских странах переводами русской литературы в большинстве случаев занимались именно крупнейшие филологи и ученые, среди которых можно упомянуть чешского лингвиста Вилема Матезиуса, который впервые перевел поэмы А. С. Пушкина. Тем не менее, существует точка зрения, что все это происходило достаточно

хаотично. Например, можно упомянуть слова филолога А. В. Федорова: «Однако, по оценке исследователей, в эту эпоху переводы произведений литератур славянских народов были представлены бессистемно, выбор произведений для перевода зачастую был случаен; отдельные выполненные таким образом переводы объединялись в сборники, антологии» (Фёдоров 1968: 86). Он также замечает, что с первых десятилетий XIX в. начинают появляться переводы русской литературы на славянские языки, ещё не систематические, но относительно регулярные. Это свидетельствует о том, что русская литература в тот период приобретала мировое значение [Фёдоров 1983: 89].

В течение XIX века произведения А. С. Пушкина являлись основой для образования национальных традиций перевода и ключевым фактором в развитии народных литературных традиций и языка. Среди первых переводчиков А. С. Пушкина был выдающийся чешский писатель и филолог Франтишек Ладислав Челаковский, в Болгарии первым над переводами работал Йоаким Груев и др. Во второй половине XIX века в Чехии и Сербии были переведены практически все произведения Н. В. Гоголя, А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева и др.

В Польше русским произведениям всегда уделялось большое внимание, а взаимодействие Польши и России в этой сфере стало весьма плодотворным. В качестве примера можно привести одного из величайших русских писателей - Ф. М. Достоевского: в Польше интерес к его творчеству возник уже в конце XIX века. Первым произведением Достоевского, переведенным на польский язык, был роман «Преступление и наказание». Перевод был осуществлён Богуславом Лондонским в 1887 году. Первой же работой Достоевского был роман «Бедные люди», впервые переведенный на польский язык Анджеем Ставаром и опубликованный издательством «Рой» в 1929 году.

В 1913 году «Братья Карамазовы» были опубликованы в переводе Барбары Бопре.

В Чехии, как и в Польше, произведения Ф.М. Достоевского были впервые переведены к началу 80-х годов XIX века: в журнале «Табор» был опубликован перевод его повести «Неточка Незванова» под названием «Aninka Nezvanova», позднее перевод романа «Преступление и наказание» был опубликован в газете «Народни Листы» в 1888г.

Как отмечает П. М. Топер, особой приметой времени было обращение больших писателей к переводам из литератур народов, входивших в Российскую империю; по большей части это было связано с организаторской деятельностью Горького, занимавшегося, как он говорил, «духовным собиранием Руси» [Топер 2001: 109]. К началу XX века развитие межславянского литературного перевода стало еще интенсивнее, появилось большое количество литературных переводов с других славянских языков, которые были выполнены выдающимися русскими писателями, поэтами и учеными. Например, поэтические переводы с польского были выполнены И. А. Буниным и А. А. Ахматовой, с чешского - Н. С. Гумилевым, с хорватского - М. Горьким.

К этому можно добавить, что в течение XX века межславянское направление перевода в России было одним из приоритетных. На протяжении этого периода и практические переводы, и теоретические переводческие исследования проходили этап прогрессивного развития, к тому же начали появляться периодические издания в области науки переводоведения, в частности, журналы «Мир перевода», «Тетради переводчика» и подобные им. Как отмечает А. В. Федоров, сложившаяся советская переводческая школа уделяла значительное внимание явлениям литератур близкородственных народов, их популяризации; произведения славянских литератур

переводились и издавались в как никогда широких масштабах [Фёдоров 1968: 122].

В XXI веке особый интерес вызывают у переводчиков и теоретиков перевода такие виды практики, как перевод реалий и лингвокультурологический анализ переводов, многие переводческие труды посвящены теме сопоставительного анализа перевода реалий в славянских языках. Реалии — это слова или словосочетания, называющие объекты, которые характерны для одной культуры, весьма специфичны для одного народа, но чужды для людей, живущих в иной культурной среде. Вместе с тем, нужно отметить, что подобный переводческий анализ очень нелегко проводить в контексте славянской литературной среды, ведь славянские языки весьма похожи друг на друга, они имеют немалое количество общих языковых элементов, их лексическая база схожа, к тому же все это дополняется внутренними языковыми культурными заимствованиями между собой. Как заметил Е. Бартминьский, современные исследователи отмечают важную роль этимологического анализа в реконструкции языковой картины мира [Бартминьский 2012: 11].

В следующей части данной работы в качестве примера рассмотрим историю переводов конкретного автора, а именно Ф. М. Достоевского.

1.2 История переводов произведений Ф. М. Достоевского и изучения философии его творчества в славянских странах

До того, как мы начнем анализировать переводы романа «Преступление и наказание», нужно провести исследование вариативности переводов и рассмотреть культурную среду времени их появления. С этой целью мы рассмотрим особенности представления философии Ф. М. Достоевского и его романа «Преступление и наказание» в славянских странах и истории

перевода романа на славянские языки. Это даст нам возможность адекватно понять цели и устремления переводчиков, их восприятие романа и авторские интерпретации философии Ф. М. Достоевского.

В Чехии Ф. М. Достоевский был малоизвестен при жизни. Впервые интерес местной публики к нему возник, когда издательство «Otto» стало выпускать переводы его произведений. До этого лишь изредка печатались отрывки его романов, периодически о нем издавались заметки в разнообразных журналах. Чешская критика стала проявлять интерес к Достоевскому после публикаций журналов о его творчестве в России. Первым его значимым критиком в Чехии был В. Червинка, а первые значительные рецензии были написаны А. Врзалом, К. Штепанеком, Ф. В. Крейчи и другими. Над переводами работ Достоевского работали Й. Грубы, Ф. Фрипес, Г. Ярош и многие другие.

В 1925 году А. Л. Бем, бывший лектором Карлова университета и экспертом по работам Достоевского, учредил Семинарий по изучению творчества Достоевского при Русском народном университете в Праге. Уже в 1930-е годы Прага стала одним из основных центров изучения трудов Достоевского в мире. В это время историки-эмигранты из русской диаспоры совместно с чешскими славистами основывают «Общество Достоевского». Именно А. Л. Бем создал первый словарь, основанный на материале имен собственных из произведений Достоевского. Эта работа, называвшаяся «Словарь личных имен у Достоевского», насчитывала 80 страниц и была первой в своем роде. К 50-летней годовщине смерти писателя издательским домом «Melantrich» был издан сборник статей «Dostojevskij», написанный под редакцией Бема. Писал о Достоевском даже первый президент Чехословакии Т. Г. Масарик (очерк «Studie o Dostojevskem», 1932 г.)

В Польше дела обстояли несколько по-другому. Первой работой Достоевского был роман «Бедные люди», впервые переведенный на польский

язык Анджеем Ставаром и опубликованный издательством «Rou» в 1929 году. Данное произведение было положительно воспринято критиками, в том числе Виссарионом Белинским. Другой важный труд Достоевского, «Записки из Мёртвого дома», был впервые переведен на польский язык Марианом Чалицким в 1925 году и опубликован в «Книге оккупации». За время написания этого произведения, по мнению исследователей, произошла внутренняя трансформация писателя. Он постепенно стал горячим монархистом, а также развил идеи православного социализма, презрения к Западу, отождествленного с нигилизмом, потерей свободы и морали.

Как уже было сказано, Первым романом Достоевского, переведенным на польский язык, был «Преступление и наказание». В 1928 году работы, собранные в 26 томах, были отредактированы Мельхиором Ваньковичем. В 1907 году Юзеф Релидзинский осуществил сценическую постановку «Легенды о Великом Инквизиторе». В 1897 году Юзеф Третьяк перевел «Записки из Мертвого дома», чей повторный перевод (с 1925 года) был опубликован в Пшемысле.

Попробуем также в этой части рассмотреть передачу российских реалий при переводе на другие языки. Реалии при переводах произведений Ф. М. Достоевского можно разделить на три основные группы: реалии, относящиеся к географическим характеристикам, этнографии и особенностям социальной и политической обстановки в России XIX века. Учитывая временное деление реалий, созданное С. Флориным и С. Влаховым, реалии также можно разделить на исторические (историзмы, архаизмы) и современные. Исторические реалии не являются постоянными и иногда могут вновь входить в использование (например, «губернатор» или «сенатор», вернувшиеся в употребление при описании российской жизни после перестройки).

Географические реалии, относящиеся к физической географии, семантически близки к терминам, что усложняет их четкую дифференциацию. Для их перевода необходим ситуативный подход, сильно зависящий от контекста. Из других подобных реалий можно отметить виды, эндемичные для России. Например, русскую реалию «морозка» из текстов Ф. М. Достоевского на немецкий переводят как «Schelbeeren», «Moltebeeren» или «Multbeeren», что указывает на высокую вариативность при переводе географических реалий.

Этнографическим реалиям в работах по переводу обычно уделяется особое внимание, так как именно они наиболее четко демонстрируют колорит исходного языка. В текстах романов Достоевского многие из них также являются историческими реалиями. Использование родовидовых замен при переводе данных реалий часто ведет к утрачиванию национального колорита. Например, «кушак» переводят на немецкий как «Gurtel» (пояс) или «Leibgurt» (устаревшее слово, значащее «пояс»). Если коснуться другого аппроксимативного приема передачи реалий, в частности замен контекстуальными эквивалентами, то стоит отметить, что это помогает повторить характерные исторические черты исходного текста, но национальный дух при этом теряется. Иногда языковые реалии становятся хорошо узнаваемыми иностранным читателем, что упрощает их понимание. Например, русская реалия «дача» достаточно хорошо знакома европейским читателям в целом и славянским читателям в частности. При этом для ее перевода используют и транскрибирование, и замену аналогами, в зависимости от предпочтений переводчика. Например, на польский из текстов Достоевского она переводилась и как «dacza», и как «dom wakacyjny».

Из общественно-политических реалий многие также являются историческими, свойственными России XIX века. «Если в названиях географических объектов, флоры и фауны отражаются особенности

природно-географической среды, в которой живет народ — носитель языка, то в названиях учреждений, органов власти, различных государственных и общественных организаций запечатлены особенности государственно-политического строя страны, социально-политическая структура общества, обслуживаемого этим языком» (Томахин, 1988: 111). В качестве примера подобной реалии можно привести «уезд». На польский её обычно переводили методом транскрибирования, как «ujezd». Немецкие переводчики использовали гипероним «Kreisstadt» (районный центр) и «Landkreis» (район). Общественно-политические реалии придают тексту очень заметный национальный колорит. Обычно их передают транскрибированием, часто с добавлением пояснений, что обусловлено ценностью данной лексики для понимания исходного текста. Часто также пользуются заменой своим и чужим контекстуальными аналогами, введением неологизмов и калькированием.

В последующих частях рассмотрим реалии более детально.

1.3 История развития концепции реалий в переводоведении

В первой половине XX века концепция «реалий» была впервые официально введена в российское переводоведение А. В. Федоровым. Ко времени второй половины XX века было произведено множество попыток выбрать наиболее точный термин для обозначения реалии. В частности, «бытовые слова» [Левый, 1974: 128], «этнографизмы» [Финкель, 1962: 104], «экзотизмы, экзотическая лексика» [Супрун, 1958: 50], однако ни один из них не смог дать аналогичного объяснения понятию «реалия».

Позднее, к концу XX века, исследование таких национально-специфических лексических единиц стало одной из самых популярных тем научного исследования в ряде различных филологических

дисциплин. В лингвокультурологии они воспринимаются как культуремы [Воробьев, 1994: 4], в теории межкультурной коммуникации они рассматриваются как культуронимы [Кабакчи, 2002: 561], как лакуны в этнолингвистике [Быкова, 2005: 23], как реалии в лингвострановедении [Гурттелер, 1990: 250], [Миллер, 1988: 33], [Стернин, 1984: 140], [Костомаров, 1980: 87]. Впоследствии концепция реалий была расширена выдающимися филологами, в том числе В. В. Кабакчи в области лингвокультурологии, а также представителем сравнительного лингвострановедения А. С. Мамонтовым и авторами ряда лингвострановедческих словарей, таких как Н. В. Муравлева, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. В результате ряд лингвистических терминов, в частности, таких как фразеологизмы, поговорки и ономастическая лексика, был включен в концепцию реалий. Можно сказать, что конкретизация понятия реалии — это процесс стандартизации приемов передачи данной категории лексики.

В 70-80-х годах XX века впервые появились переводческие работы, которые были посвящены проблеме передачи реалий. Самыми яркими примерами среди таких работ являются «Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике» [Виноградов, 1978], «Об учебном лингвострановедческом словаре безэквивалентной лексики» [Верещагин; Костомаров, 1974], «Непереводимое в переводе» [Влахов; Флорин, 1986], «Подходы к переводу» [Ньюмарк, 1981] и другие. Как было упомянуто выше, передача реалий с исходного языка на язык-реципиент без потери эквивалентности всегда была одной из важнейших целей переводчиков, и так называемая национально-специфическая лексика все время представляла собой проблему и затруднение в переводческих практиках.

Стоит заметить, что до этого, а именно в 1950-1960-х годах, специалисты занимались только передачей безэквивалентной лексики, передача реалий при

этом была лишь частью подобной практики, а не чем-то обособленным, в качестве примеров можно привести работы «К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык» [Чернов, 1958] и «Литературы на иностранных языках» [Комиссаров; Тархов, 1960], и другие.

В 90-х годах XX века - начале XXI века работы, фокусирующиеся на проблемах передачи реалий, представляют собой новые взгляды, в частности, возникновение специфических лингвистических наук, которые сосредоточены на исследованиях концепции реалий в различных научно-лингвистических аспектах. Среди примеров таких инновационных ученых можно отметить В. В. Кабакчи, Н. А. Фененко, Шуберта Крейцера. В наши дни исследование различных подходов к переводу реалий даёт возможность кодифицировать переводческие приёмы передача реалий и классифицировать их.

Рассмотрим историю развития концепции реалий. Стоит отметить, что отсутствие единой классификации реалий является одной из ключевых проблем при их переводе. Различные термины для обозначения понятия реалий, которые использовали учёные, демонстрируют неясность и трудность при переводах данной группы лексики с исходного языка на язык-реципиент.

В середине XX века многие учёные уже начали обращать особое внимание на эти безэквивалентные национально-специфические лексические единицы в переводе: в работе С. И. Влахова и С. П. Флорина «Непереводимое в переводе» была впервые подчеркнута значимость контекста при переводах [Флорин, Влахов: 1986].

Концепция реалий всегда была одной из фундаментальных проблем в истории перевода, и даже в древнейшие времена в ходе первых попыток осуществления перевода наши предки уже пытались разобраться со словами, у которых лексическое понятие существует в одном языке и при этом

отсутствует в языке-реципиенте, так как оно не может существовать вне конкретного культурного фона исходного языка. Тем не менее, это не значит в целом, что при столкновении с такими «непереводимыми словами», не существует никаких эффективных способов найти их соответствия в языке перевода, не теряя эквивалентность. Согласно А. В. Федорову, нет такого слова, которое не могло бы быть переведено на другой язык хотя бы описательно, т.е. распространенным сочетанием слов данного языка [1966, 608]. Вопрос не в том, можем ли мы переводить реалии, а в том, как именно мы будем это делать. В следующей части этой работы попробуем рассмотреть данный вопрос подробнее.

1.4 Проблема передачи реалий при осуществлении межславянского перевода

История межславянского перевода имеет глубокие корни. Она неотделима от эволюции национальных идентичностей славянских народов, их культуры, литературных традиций. В уникальности развития национальных литературных традиций и заложено смысловое различие между языками, их отличающаяся картина мира, включающая в себя в том числе и реалии. Данное явление имеет большое значение для литературного перевода, так как он напрямую связан с интерпретацией смысла оригинальных текстов.

Стоит отметить, что определение особенностей семантических свойств реалий, являющихся частью культурной традиции определённого народа, имеет место быть в том числе и в родственных языках. Соответственно, имена собственные в переводе можно расценивать как национально-специфические термины. Наблюдение за тем, как имя собственное взаимодействует с остальными словами в тексте, помогает проанализировать смысловую специфику, относящуюся к его национальной

принадлежности. При осуществлении художественного перевода необходимо досконально анализировать уровень смыслового изменения имен собственных, а также средства скрытой и явной смысловой компенсации.

Из этого можно заключить, что задача дословного и правильного перевода реалий связана с дилеммой рациональности полного перевода в принципе, с принятием во внимание специфики мировосприятия тех или иных языков и культур. Данный вопрос актуален и при переводе на языки из родственных культур, в том числе при межславянском переводе.

С точки зрения лингвокультурологии, перевод — это процесс трансляции смыслов одного языка на другой иной язык, у которого, в свою очередь, имеется иная языковая картина мира. Этот термин довольно часто используется современными учёными. Наиболее корректно описать языковую картину мира как отраженный в языке подход к видению нашего мира, где у всех естественных языков существует свое собственное представление о мире. Языковая картина мира рассматривается как совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа [Попова, Стернин 2007: 6]. Языковая картина мира отражает национальную совокупность представлений о мире и может быть выявлена в языковых единицах разных уровней. Именно языковая картина мира формирует концептуальную картину и является основой для восприятия и осознания происходящих событий и явлений.

С другой стороны, языковая картина мира весьма тесно связана с коннотативной лингвистикой. По мнению В. А. Масловой, коннотативное слово обладает способностью не только создавать, но и удерживать глубинный смысл, находящийся в сложных отношениях с семантикой слова, закреплять его в языке, создавая тем самым культурно-национальную языковую картину [Маслова, 2004: 57]. В современной лингвистике

коннотация определяется как совокупность эмоциональных, оценочных и экспрессивных значений, имеющих факультативный характер в семантической структуре слова. [Глухова 2010: 59]. В сфере лингвистики коннотация, как правило, является культурной и языковой единицей. В. А. Маслова отмечает, что культурная коннотация — это интерпретация денотативного или образно-мотивированного аспектов значения в категориях культуры [Маслова 2004: 51].

Стоит обратить особое внимание на то, что даже в родственных культурах, коннотативное содержание одного и того же слова существенно отличается. К примеру, слова «час» и «czas» - существительные, которые обозначают время. Но отличие в том, что в польском языке это слово имеет значение общего понятия времени, а в русском языке - конкретные 60 минут; слово «восток» в русском языке обозначает только географическое понятие, но в хорватском языке слово «istok» обозначает также и восточную Европу. В славянских языках существует немалое количество подобных слов, у которых весьма схожее коннотативное содержание, но в каждом языке есть свои определённые особенности.

Рассмотрим проблему передачи реалий при осуществлении перевода художественных текстов. Принятие во внимание культурного фона и лингвокультурных связей между исходным языком и языком-реципиентом является одним из важнейших принципов при переводе художественных текстов. И. В. Гюббенет полагает, что культурный фон представляет собой не только фоновые знание, но и вертикальный контекст. В отличие от знания фонового, культурный фон является принадлежностью единицы текста и не всегда доступен в равной степени автору и читателю текста [Гюббенет 1991:7].

Проявляется концепция прецедентности не только в текстах, но и в отдельных единицах реалий, прецедентные реалии могут быть как

денотативными, так и коннотативными. По мнению О. А. Бирюковой, эффект экспрессивности, связанный с характеристикой и оценкой, выступает основным фактором употребления прецедентных реалий в тексте [Бирюкова 2012: 135].

С другой стороны, реалии, которые предполагают собой выявление конкретного ассоциативного культурного фона, можно рассматривать как ассоциативно-безэквивалентные лексические единицы. Не всякая реалия соответствует ассоциативной лакуне, поскольку последняя предполагает экспрессивное наполнение безэквивалентного лексического компонента [Иванов 2006, 134].

Исследование трудов по таким направлениям, как лингвокультурология, этнолингвистика, лингвострановедение и теория перевода, дает возможность обозначить два основных положения, необходимых для изучения реалий как отдельной части лексики:

- 1) во-первых, реалиями в переводоведении называют лексемы, обозначающие предметы и явления, обычаи и обряды, уникальные для одной культуры и отсутствующие в другой. Свойствами реалий можно назвать: безэквивалентность, принадлежность к апеллятивной лексике и национально-культурный характер. Реалиям свойственен денотативный тип безэквивалентности. Существуют разные мнения по поводу вопроса безэквивалентности, но обычно под безэквивалентной лексикой подразумевают термины, не имеющие ни полных, ни частичных аналогов среди лексических единиц другого языка. Денотативная безэквивалентность при этом связана с неимением в повседневной жизни людей другой языковой группы непосредственного предмета или явления. Главным признаком отличия реалий от других классов безэквивалентных лексических единиц – их национально-культурная маркированность.

2) во-вторых, реалии отображают жизненный уклад и мировоззрение общества, в языке которого присутствуют, и не имеют соответствий в каких-либо ещё культурах, и, таким образом, в языках других культур нет и лексических единиц, точно передающих их. Вследствие этого, при переводе реалий, они неизменно выделяются на фоне контекста, так как представляют из себя фактически образцы народной уникальности другой культуры. По этой причине переводить реалии на другой язык – довольно трудное дело, включающее в себя воспроизведение смыслового содержания этих лексических единиц и точная трансляция их выразительных свойств.

Разница во времени и месте, разделяющая оригинальный текст и текст перевода, неминуемо приводит к культурным изменениям при переводе. Реалии, не употребляющиеся в русском языке нашего времени, называются историческими. Подобрать соответствующие аналоги к большинству таких реалий в другом языке едва ли возможно. При передаче исторических реалий в художественном переводе нужно руководствоваться не только обычными правилами перевода реалий, но и следует отказаться от использования модернизмов и архаизмов с национальной окраской, а также убедиться, что перевод исторических реалий отвечает современным литературным нормам языка-реципиента и сохраняет ключевые особенности стиля языка оригинала текста.

Одним из самых распространённых способов функционирования реалий в виде апеллятивов в славянских языках является лексикализация. Лексикализацией называют превращение отдельных частей языка, таких как морфемы или словоформы, в единое знаменательное слово или устойчивое словосочетание. Кроме того, этот способ более ярко выражен при функционировании ономастических реалий, но стоит заметить, что ономастические единицы не всегда обладают равными прецедентностями,

они отличаются их интенсивностью и уровнем семантической ассоциации в славянских языках.

Вследствие этого, можно считать, что реалии, у которых имеется определённый культурный-ассоциативный фон, являются частью ассоциативно-безэквивалентных единиц лексики. По мнению А. О. Иванова, наряду с распространённым пониманием культурно-специфической реалии как единицы безэквивалентной лексики, существует представление об ассоциативных реалиях; не всякая реалия соответствует ассоциативной лакуне, поскольку последняя предполагает экспрессивное наполнение безэквивалентного лексического компонента. [Иванов, 2006: 134].

Модуляция или, как еще её называют, лексико-семантическая трансформация является одним из самых распространённых методов при переводе реалий. Это способ применяется путем замены лексических единиц исходного языка на единицы, имеющие отличное значение в языке-реципиенте, но которое может быть выведено из единиц исходного языка путем определенного рода логических преобразований, притом не теряя эквивалентность и семантическую структуру. Подобными преобразованиями являются конкретизация, генерализация и описательный перевод – самые общепринятые способы модуляции.

Особое внимание уделяется конкретизации и генерализации при переводе славянских языков, поскольку лексике славянских языков свойственна большая конкретность, нежели лексическим единицам других индоевропейских языков; к примеру, немецкое «Er ist in der Schule» на русском значит «Он учится в школе». В данном случае в немецком языке используется глагол «быть», но в русском языке был употреблен глагол «учиться», который указывает на более конкретное действие.

Литературно-художественный перевод можно рассматривать как результат соответствия двух культурных фонов. В. В. Виноградов отмечает,

что в структуре литературно-художественного произведения потенциально заключены символы всей языковой культуры его эпохи [Виноградов 1980: 68]. Для перевода литературно-художественных текстов интерпретация считается одним из самых важных подходов переработки текста. Задача такого подхода не только и не столько передать содержание, сколько создать адекватный образ, вызвать у читателя соответствующие эмоции и ассоциации, а средства для этого в разных языках бывают разные [Мирам 1999:55]. Но всё-таки стопроцентная семантическая интерпретация с исходного языка на переводящий язык считается фактически невозможной и нецелесообразной.

Одним из наиболее значимых и сложных вопросов общения между культурами – переводимость. Переводимостью называют возможность адекватно и полноценно отобразить все стороны смыслового наполнения оригинала в переводе.

В переводоведении обычно выделяют три подхода к оцениванию сложности перевода как в целом, так и таких его ответвлений, как перевод имен собственных по отдельности. В частности, существует теории о принципиальной неперевоидимости, принципиальной переводимости или относительной переводимости. При этом проблема переводимости непосредственно связана с понятиями эквивалентности и адекватности перевода (или его репрезентативности [Комиссаров 1973; Игнатович 2011: 51 и др.]). Под эквивалентностью подразумевается максимальная общность содержания текстов оригинала и перевода. При этом стоит отметить, что полную эквивалентность достичь едва ли возможно. Чтобы перевод был удовлетворительным, необходимо уделять внимание не только его точности и равнозначности, но и поддерживанию оптимального взаимодействия лингвокультур, возникающего при контакте между языками в ходе перевода.

При осуществлении интерпретации, переводчик должен понимать разницу между тем, что в переводимом тексте является деталью, а что – имеющим важное значение компонентом и при этом учитывать психологические особенности восприятия взятого текста: восприятие переводимого не должно стать слишком сложным. Именно это можно назвать основой полноценного перевода: как заметил Р. Станкевич, переводчик борется «за адекватность <...> не лексическую, а эмоционально-ассоциативную, то есть за художественную адекватность» [Станкевич 2005].

Тот факт, что славянские языки относятся к одной группе родственных языков, не значит, что они обладают одинаковой ономастической системой. Отсутствует (или является лишь кажущейся) и общность славянской антропонимии. В качестве примера можно указать различающиеся православный месяцеслов и католический мартиролог, причём последний различается даже внутри традиций западнославянских народов (поляков, чехов, словаков). Некоторую схожесть можно отметить только если сравнивать с русскими южнославянские именники – антропонимы, имеющиеся в них, частично «восходят к общим основам и входят в активный словарный запас» [Тодоров 1995: 85], однако на этом фоне множество других образцов антропонимии лишь сильнее проявляют свои национальные особенности и отличия, не говоря уже об их коннотативных подтекстах. Вследствие этого, имена собственные, входящие в состав языков, принято относить к псевдоэквивалентной лексике.

Выводы по главе I

Литературные языки у восточных и южных славян в течение достаточного долгого периода времени были схожими. Приблизительно в XIV-XV вв. возник процесс расхождения литературных славянских языков в сферах лексики и стилистики. Развитие межславянского перевода при этом было непосредственно связано со становлением и развитием национальной идентификации и народного самосознания славянских народов. XVI век стал ключевым столетием в истории литературного межславянского перевода, так как с XVI в. начинается его существование как явления в отношениях между славянскими государственными образованиями в принципе. С конца XVIII до конца XIX века происходил процесс самоопределения славянских народов. На протяжении XIX века происходит значительный подъем в сфере межславянского перевода, однако в эту эпоху переводы произведений литератур славянских народов были представлены пока ещё бессистемно. В то же время, начинают появляться регулярные переводы русской литературы на славянские языки, что демонстрировало приобретение русской литературой мирового значения.

К началу XX века развитие межславянского литературного перевода значительно усилилось, и в XX веке он приобрел фактически массовый характер. В XXI веке особый интерес в переводоведении стал уделяться таким деталям перевода, как перевод реалий и лингвокультурологический анализ переводов.

Рассмотрев историю переводов работ русского писателя Ф. М. Достоевского на другие славянские языки, мы пришли к выводу, что его работы переводились на все основные славянские языки, но особый интерес к нему наблюдался в Чехии и Польше. При этом в Чехии Ф. М. Достоевский был малоизвестен при жизни, но уже в 1930-е годы Прага стала одним из основных центров изучения трудов Достоевского в мире, что в немалой степени было обусловлено ролью эмигрантов с территорий бывшей

Российской империи. К 50-летней годовщине его смерти писал о Достоевском даже первый президент Чехословакии Т. Г. Масарик. В Польше дела обстояли несколько иначе: первым романом Достоевского, переведенным на польский язык уже в 1887 году, был «Преступление и наказание». В Польше популярность Достоевского уже при жизни была отчасти связана с его революционными взглядами.

Далее, мы рассмотрели историю концепции реалий в переводоведении. Впервые в российское переводоведение она была официально введена А. В. Федоровым в первой половине XX века. В дальнейшем было произведено множество попыток подобрать наиболее точный термин для обозначения реалии, что привело к разнообразию оных в различных дисциплинах. К концу XX века исследование таких лексических единиц, специфичных для отдельных культур, стало одной из самых популярных тем исследований для представителей многих филологических дисциплин. Писались переводческие работы, посвященные проблеме передачи реалий, где отмечалось, что передача реалий с исходного языка на язык-реципиент без потери эквивалентности была одной из важнейших задач в переводоведении. В начале XXI века работы, фокусирующиеся на проблемах передачи реалий, способствовали возникновению специфических лингвистических наук, сосредоточенных на исследованиях концепции реалий в различных научно-лингвистических аспектах.

Анализ работ по различным дисциплинам, тесно связанным с переводоведением, показал, что, хотя понятие реалии активно используется ими, во многих из них отсутствуют ясные критерии его определения. В переводоведении реалиями называют не только сами культурные обряды, обычаи, исторические факты и процессы, предметы и явления, существующие в одной культуре и языковой среде и отсутствующие в другой, но и их названия. Среди свойств и характеристик реалий отмечают

безэквивалентность, принадлежность к апеллятивной лексике и национально-культурный характер. Последнее особенно важно: реалии неотъемлемы от обихода и картины мира общества, в языке которого присутствуют, они не имеют аналогов в каких-либо других культурах, и, вследствие этого, в языках других культур нет и лексических аналогов, точно передающих их. Учитывая данный факт, можно прийти к выводу, что дословный перевод реалий невозможен без принятия во внимание специфики мировосприятия тех или иных языков и культур. Важно также то, что, хотя славянские языки относятся к одной группе родственных языков, это не значит, что они обладают одинаковой языковой средой с идентичными реалиями. К примеру, ономастические системы славянских языков сильно различаются.

Необходимость уделять при переводе особое значение культурному фону и лингвокультурным связям между исходным языком и языком-реципиентом является одной из основ перевода художественных текстов. С другой стороны, нужно отметить, что языковая картина мира весьма тесно связана с коннотативной лингвистикой. Перевод текстов, являющихся прецедентными в исходном языке, особо важен и представляет собой достаточно сложную задачу. При переводе текстов, прецедентных для культурной среды исходного языка, не стоит проводить их полную адаптацию и раскрытие значения пословно, так как это не только неуместно, но зачастую и некорректно.

В случаях передачи исторических реалий в художественном переводе предпочтительно отказаться от использования неологизмов и национально-окрашенных архаизмов, а также следует убедиться, что перевод не идет вразрез с современными литературными нормами языка перевода и не теряет особенности стилистики языка оригинала текста.

Важнейшим критерием понимания того, насколько точно и корректно был осуществлен перевод, является пропорциональность эстетической

реакции читателя на текст оригинала и текст перевода. Достигается данный критерий путем всесторонней трансляции содержания, формы и колорита реалий соответствующими, эквивалентными средствами.

II. Становление системы приемов передачи реалий на фоне

произведений Ф. М. Достоевского

2.1 Систематические анализы переводов произведений Ф. М.

Достоевского

Стоит отметить большое значение направления восприятия перевода путем сопоставительного анализа текстов (сравнение формы и содержания исходного текста и текста перевода). Направление это развивалось одновременно как советскими и российскими, так и зарубежными специалистами.

В качестве основного метода изучения уровней языка и стилей речи сопоставительный анализ был впервые продемонстрирован в трудах Я. И. Рецкера и Е. Г. Эткинда.

Я. И. Рецкер одним из первых отмечает проблему «использования сопоставительного анализа переводов в трех планах: критическом (для оценки переводов), теоретическом и учебном» [Рецкер 1950: 52]. Подобный анализ дает возможность обнаружить конкретные трудности при осуществлении перевода текстов различных жанров с учетом особенностей языка-реципиента, так как текстовый жанр «определяет его художественно-эстетическую или поэтическую направленность» [Рецкер 1950: 52], а последняя имеет особое значение, так как она лежит в основе того, какое эстетическое влияние на читателя будет иметь место.

Основой подобных анализов стало изучение единиц перевода как часть исследования синтаксических и лексических соотношений между языками, изучение и дескрипция системного потенциала и возможностей сравниваемых языков.

Первым, кто предложил и достаточно четко определил термин «единица перевода» был, по всей видимости, Отто Каде. Под этим термином он понимал непостоянную величину, изменяющуюся с учетом ситуации

«языковой коммуникации», которая ведет «к определенному изменению состояния принимающего» [Kade 1968: 90].

Заниматься поиском основополагающих «минимальных отрезков речевого потока», а не вопросами «сохранения инвариантности содержания» [Добровольский 2006: 394] призывали также такие российские ученые, как В. Н. Комиссаров, А. В. Федоров, А. Д. Швейцер, Я. И. Рецкер и другие. В качестве «единицы перевода» они рассматривали «такую единицу в исходном тексте, которой может быть подыскано соответствие в тексте перевода» [Вопросы художественного перевода, 1955: 39].

Одним из основных выдвинутых представлений как в западных, так и российских исследованиях было формулирование категории эквивалентности как одной из наиболее значимых для перевода. При том основывалась эта категория именно на поиске языковых соответствий.

Изучая факторы, имеющие влияние на процесс осуществления перевода и его результаты, Отто Каде указал на то, что лингвистические факторы (в особенности соотношение исходного языка и языка перевода) являются ключевыми. О. Каде также вводит в использование термин «эквивалентность», который он определил как «инвариантность плана содержания и плана выражения знака в оригинале и переводе» [Kade 1968: 21].

Над изучением и описанием эквивалентности разных уровней, а также принципов и категорий оценивания переводов работал также и известный российский исследователь В. Н. Комиссаров. Им была представлена семантико-стилистическая модель перевода, где переводчик выбирает единицу перевода в соответствии с типом эквивалентности. В. Н. Комиссаров описал пять типов регулятивных норм для перевода текстов любой направленности: нормы эквивалентности перевода, нормы

переводческой речи, конвенциональные нормы, жанрово-стилистические нормы и прагматические нормы перевода.

На норму перевода определяющее влияние оказывают уровни эквивалентности текста, его жанр, стилистическая окраска единиц в тексте, задачи и условия, в которых осуществляется перевод. Стоит отметить, что Комиссаров не считает «адекватный» и «эквивалентный» перевод идентичными понятиями. Он определяет «эквивалентность» как «смысловую общность приравниваемых друг к другу единиц языка и речи» [Вопросы художественного перевода, 1955: 39]. Для термина же «адекватный перевод» дается более широкое значение, синонимом которого фактически является «правильный перевод», то есть такой перевод, что гарантирует надлежащий уровень качества, необходимый для межъязыковой коммуникации в определенных условиях.

Единство зарубежных и советско-российских исследователей в их подходе к анализу переводов обнаруживается в схожем толковании основополагающих положений анализа: лишь приверженность сохранению как можно большего сходства между исходным текстом и текстом перевода в соответствии с этими положениями позволяет создать успешный перевод; совокупность же этих положений утверждается как норма качества осуществления перевода. Несоблюдение регулятивных норм при переводе порождает расхождение с исходным текстом.

Последующий анализ переводов трудов Ф. М. Достоевского на польский и хорватский языки представлен работами Збигнева Подгужеца и Иса Великановича.

Исо Великанович в своей работе предлагает филологический и смыслодержательный виды перевода. Под филологическим он понимает тип перевода, в котором прослеживается персональная авторская манера. В

этой манере потенциал родного языка должен применяться «до самой крайней границы понимания», а такому переводу требуется быть дословным.

В качестве противоположной филологическому переводу З. Подгужец приводит концепцию смыслодержательного перевода, в соответствии с которым, перевод должен читаться как оригинал и иметь такое же влияние на читателя – для него важнейшим требованием является смыслодержательная адекватность.

З. Подгужец делает область деятельности филологического перевода (который он также называет документальным) шире. В качестве его задачи он упоминает сближение читателя с автором, он также конкретизирует свойства смыслодержательного перевода. По мнению исследователя, переводчику следует сделать выбор: «понять, создает ли он текст, который будет восприниматься польским читателем так же, как «Идиот» воспринимался современниками Ф. М. Достоевского или так, как он воспринимается носителем русского языка».

Также стоит отметить, что З. Подгужец не считает оппозицию стиля автора и языка века, в котором был написан текст, принципиально важным фактором при выборе подхода к осуществлению перевода определенных контекстов, как он предполагал в начале своей работы.

Если речь идет о индивидуальном авторском стиле перевода, тогда более основательное изучение определения «индивидуальный авторский стиль» представлено в труде Л. С. Макаровой. По ее мнению, это «свойственный данному автору художественно-эстетический комплекс образов и средств выразительности» [Макарова 2006: 109]. Ею также применяется более часто используемый в последнее время термин – «идиолект», который она определяет как «характер маркированных признаков, по которым автор «узнается», и которые образуют идиолект, т.е. совокупность формальных и стилистических особенностей речи данного

автора» [Макарова 2006: 111]. Вопрос передачи идиолектов при переводе остается актуальным.

2.2. Различные подходы к передаче реалий в диахроническом аспекте

Переводческая наука давно столкнулась с вопросом о теоретических и практических границах перевода и его возможностях. Часто отмечалась сложность передачи слов, относящихся к национальной и исторической специфике. Таким образом, возникло предположение о непереводаемости определенных понятий. Мысль эта, однако, опровергалась теоретиками-реалистами. В дальнейшем это вылилось в дискуссию о предпочтительности буквального или вольного перевода. В XIX веке ряд исследователей (В. Гумбольдт, М. Гаупт, А. Шлегель) полагали, что слова, относящиеся к национальной и исторической специфике языка, невозможно перевести. До второй половины XX века некоторыми лингвистами (Э. Сепир, Б. Уорф, У. Куайн) создавались гипотезы о невозможности полноценного перевода в некоторых случаях по причине отличающегося видения мира у разных народов.

Впоследствии концепция переводимости продолжила развиваться, избавляясь от ранее характерной для нее категоричности. Теперь уже выносилась проблема определения основ подходов к преодолению культурно-языкового барьера, а не вопрос о возможности или невозможности перевода. Тем не менее, до второй половины XX века точного и систематического описания приемов передачи реалий создано не было.

Начиная с 1950-х годов, происходит прорыв в переводоведении: появляется и развивается как независимая наука теория перевода. Многие советские и зарубежные исследователи в разной степени обращают внимание на вопрос передачи безэквивалентной лексики, частью которой были и реалии, предлагая некоторые потенциальные приемы их передачи [Рецкер, 1950, Комиссаров, Рецкер, Тархов, 1960, Kade, 1964].

Осуществленный анализ лингвистической литературы дает возможность выделить три этапа научного исследования данного вопроса.

Первый этап приходится на 1950-1960-е гг. В этот период зарубежные и советские специалисты исследовали вопрос перевода безэквивалентной лексики, а реалий – как ее часть.

Второй этап – 1970-1980-е гг. В это время советские и иностранные лингвисты сосредотачиваются на изучении специфики реалий как особого слоя лексики, а не на исследовании всей безэквивалентной лексики. Отмечается то, что реалии переводимы. Выдвигаются некоторые приемы их передачи, различавшиеся в трудах по их изучению в зависимости от исследователя. Вследствие отсутствия единства в определении объема понятия реалий в переводоведении набор переводческих приемов в разных научных концепциях различается. Осознается, что в ходе принятия переводческих решений, необходимо принимать во внимание как характер текста, так и характер коммуникации.

Третий этап – 1990-е гг. – по наши дни. Вопрос передачи национального окраса и особенностей исходного текста при

осуществлении перевода сохраняет свою актуальность и исследуется во многих теоретических трудах и пособиях по теории и практике перевода, лингвокультурологии, лингвострановедению, теории межкультурной коммуникации и смежных науках как в России, так и за рубежом. Работам конца XX в. и начала XXI в. свойственен более широкий подход к изучению передачи реалий на другой язык. Отмечая все увеличивающийся объем теоретических исследований проблем переводческого процесса, можно обнаружить все большую разнородность терминологического и понятийного аппарата традуктологии.

2.3. Классификация приемов передачи реалий

Приемами перевода называют конкретные действия, производимые переводчиком над реалиями оригинального текста для того, чтобы получить варианты их перевода. В этой работе мы, следуя подходу Л. Л. Нелюбина [Нелюбин, 2003: 151], используем термин «переводческие приемы».

Касаясь концепций различных экспертов переводоведения, можно отметить, что приемы передачи реалий часто именуется по-разному, иногда полностью совпадая по наименованию, а иногда отличаясь названием при общей сути операции. Существуют также приемы, которые встречаются лишь в отдельных классификациях. Тем не менее, исследовав труды по передаче реалий на другой язык, можно выделить приемы, присутствующие в работах всех авторов вне зависимости от их языковой пары. Основой классификации приемов является определение, сформированное Х. Шмидтом: языковые отношения, типизирующие

потенциальные языковые отношения между элементами исходного текста и текста перевода и коммуникативно эквивалентные в пределах одного текста и контекста [Schmidt, 1991: 24]. С учетом способа передачи реалии, а также сохранением или опущением национального колорита исходного текста можно выделить следующие основные группы приемов передачи реалий:

- 1) Приемы механической передачи;
- 2) Приемы создания неологизма (нового слова)
- 3) Разъясняющие приемы;
- 4) Уподобляющие приемы.

Приемы механической передачи реалий подразумевают перенос звукового или графического образа реалии языка исходного текста в язык-реципиент либо без изменений, либо применяя утвержденные для этой языковой пары системы транслитерации или транскрипции. Данные приемы передают семантическое наполнение реалии и ее национальный и исторический окрас достаточно исчерпывающе и компактно, но содержательный аспект устанавливается только в контексте, а также он может оказаться непонятым или воспринятым читателем неточно.

Приемы создания неологизма (нового слова) представляют собой формирование нового слова или словосочетания по образцу языка исходного текста, либо схожего по содержанию языку источника посредством языковых средств языка-реципиента. Данные приемы эффективно передают смысловое содержание и формы лексем языка исходного текста, национальная же и историческая специфика передается несколько менее конструктивно, хотя часто возможен и

перевод, близкий к эквивалентному. Некоторые неологизмы через определенное время могут усваиваться языками, что делает их словарный состав богаче.

Разъясняющие приемы передают семантическое содержание реалий при помощи компактных или обширных описаний, либо объяснения, выраженного различными средствами. Они в полном объеме раскрывают природу и значение явления, описываемого реалией, а также отображают национальную и историческую специфику, однако при этом не создают краткого термина, который бы обозначал определенное явление и предмет мог бы использоваться носителями языка, что также облегчало бы его усвоение. Таким образом, реалии, переданные посредством подобного рода приемов, не фиксируются словарями и остаются безэквивалентными.

Уподобляющие приемы передачи реалий используются регулярно прочим [Влахов, Флорин, 1986: 90]. В данную категорию входят разнообразные приемы замены: своим, чужим, либо контекстуальным аналогом, а также родовидовые. Эти приемы не воссоздают полностью точный образ предмета или явления, обозначаемых реалией языка исходного текста, а иногда и вовсе могут ввести читателя в заблуждение. Даже в случаях, когда точно передается предметное содержание, могут возникать проблемы с потерей формы, национального и исторического окраса исходного текста, так как коннотативное значение и контекст заменяются стилистически нейтральными. Частое применение данных приемов вызвано компактностью и кажущейся доступностью для понимания перевода носителями языка-реципиента, но это нередко может стать причиной

неприемлемых результатов, таких как национально-культурная ассимиляция.

2.4. Приёмы механической передачи реалий

В группу приемов механической передачи реалий входят такие приемы, как транскрипция, транслитерация и автоматический перенос без внесения каких-либо изменений.

2.4.1. Прямой перенос без внесения изменений

Отсутствие единства при написании одних и тех же слов в письменности иностранного языка препятствовал и по-прежнему препятствует ходу интеркультурной коммуникации. Наилучшим решением, передающим форму, смысловое содержание и национальную специфику, могло бы стать обычное отображение графической формы слова без внесения каких-либо изменений. Подобное уже применяется в медицинском переводе, где иностранные слова указываются в их исходном написании латинскими буквами. Тем не менее, это потребовало бы знания латинского языка и однородности алфавитных структур, являющихся основами языковой пары. Отчасти именно это является причиной того, что данный прием нечасто применяется в российской переводческой практике (он используется главным образом при переводе научных материалов, деловых и медийных текстов). Впрочем, его применение постепенно расширяется [Ермолович, 2001: 18].

2.4.2. Транслитерирование

В данный период развития лингвистики вариации того, как разные специалисты по лингвистике интерпретируют транслитерацию, различаются: прием, способ, процесс, система знаков и беспереводное употребление иноязычного слова [Рецкер, 1974: 29]. В этой работе транслитерация понимается как взаимооднозначная обратимая система соответствий букв одного алфавита буквам другого. Транслитерирование же понимается как тождественная обратимая передача письменного образа слова одной алфавитной системы посредством другой. Используя эти приемы, переводчику не приходится создавать обширное многословное описание неизвестного читателю термина или понятия, при этом он также не искажает письменный вариант реалии. В нашей работе примером может послужить использование транслитерирования хорватским переводчиком при переводе слова «губернатор»:

...и при выпуске с шалью танцевала при губернаторе и при прочих лицах... [с. 19].

... a na završetku je igrala pred gubernatorom i drugim ličnostima... [с. 11].

Местным аналогом в хорватском является слово «guverner», но переводчик использовал транслитерацию российской реалии, этимологически происходящей от латинского термина.

Транслитерация широко использовалась до первой половины XX века, в наше же время она постепенно вытесняется практической транскрипцией.

2.4.3. Транскрибирование

В данной работе понятие транскрипции определяется как прием передачи звукового образа слова языка исходного текста для читателя текста перевода при помощи условных знаков. Её цель – создание у читателей текста перевода как можно более точного понимания того, как произносится то или иное слово. На данный момент нет универсальной утвержденной системы (подобной той, что была предложена Международной фонетической ассоциацией). В качестве основы транскрипции используют то какой-либо широко используемый алфавит, вроде латинского, то условные системы знаков, то сочетание последних с существующими знаками.

Примерами из нашего материала могут послужить польский и хорватский переводы слова «раскольник»:

a известно ли Вам, что он из раскольников... [с. 485].

Польский перевод: *czy pani wiadomo, że on z raskolnikow się wywodzi?* [с. 379].

Хорватский перевод: *a znate li vi, da je on raskolnik...* [с. 266].

Транскрипция помогает облегчить письменную перцепцию и произношение русских реалий. Этим отчасти объясняется разнообразие систем транскрипции: они ориентируются на разные языки перевода и чаще всего являются необратимыми.

2.5. Передача реалий путем создания новых слов

К этой группе приемов относятся полное калькирование, частичное калькирование и введение авторских неологизмов.

2.5.1. Полное калькирование

Данный переводческий прием подразумевает образование в языке-реципиенте нового слова из элементов этого языка по образу аналога из языка исходного текста. При этом воссоздается как морфологический аспект реалии языка оригинала, так и семантический; новая лексическая единица формируется из исконных языковых морфем, а не из перенятых из другого языка. Калькируются чаще всего лексические единицы, имеющие в своем составе несколько морфем и обладающие легко определяемой смысловой структурой. Так как воспроизводится содержание и форма, то иногда это дает возможность достичь такого же эффекта, как и в исходном тексте. Уровень передачи неизвестного явления при помощи данного приема ограничивается тем, до какой степени лексическая единица языка оригинала сама воспроизводит суть этого явления. Вследствие этого применение данного приема зависит от ясности смыслового наполнения лексической единицы исходного текста.

Примером из работы может послужить польский перевод слова «двухкопеечник»:

в ожидании двухкопеечника из лавочки [с. 167].

wyczekując na rzucenie jej dwukopiejkówki przez właściciela sklepiku [с. 131].

2.5.2. Частичное калькирование

В работах по лингвистике отмечается также применение частичного калькирования [Влахов, Флорин, 1986: 93, Newmark, 1981: 70]. При применении данного приема создаются полукальки. В то время как полное калькирование применяется с максимально возможным сохранением смыслового наполнения, при использовании частичного

калькирования некоторые морфемы опускаются, либо воспроизводятся другими способами.

Примером в нашем материале служит хорватский перевод словосочетания «надворный советник»:

*...что она дочь **надворного советника** и кавалера...* [с. 415].

*...da je ona kći **dvorskoga savjetnika** i kavalira...* [с. 228].

Переводчиком была опущена приставка, имеющаяся в изначальном варианте.

2.5.3. Введение авторских неологизмов

Данный прием передачи реалий подразумевает образование переводчиком новых лексических единиц при помощи языковых средств и моделей словообразования языка-реципиента с опорой на собственные языковые и лингвострановедческие знания. При этом подобные лексические единицы должны быть содержательно близки лексемам языка исходного текста. Отличием от калькирования является то, что подобное создание лексем подразумевает отсутствие их этимологической связи с лексемами языка исходного текста.

2.6. Разъясняющие приемы

Третья группа охватывает разъясняющие приемы – пояснения и описание разного рода. Одним из достоинств этой группы является тот факт, что приемы, относящиеся к ней, устраняют возможность неполного понимания, свойственного группам, указанным ранее в работе. Данные приемы, таким образом, могут помочь в наиболее трудных случаях. Тем не менее, имеется и некоторые слабые стороны: растет объем текста перевода, а некоторые пояснения и описания могут

оказаться внушительного размера и в своем роде неуклюжими, из-за чего они не вписываются в остальной текст.

2.6.1. Описание

Данный прием перевода упоминается в работах всех советско-российских и иностранных специалистов, что свидетельствует о его достаточно широко распространенном применении. Тем не менее, у него имеется достаточно значительный недостаток: развернутые комбинации слов подобного рода не могут полноценно выполнять функцию метки столь же хорошо, как это сделали бы одно слово или небольшое словосочетание, так как использование объемного сочетания слов приводит к трудностям с выделением определенного явления из ряда схожих явлений одной лингвокультуры и закрепления его в другой как понятия.

Примером в нашем материале может послужить польский перевод кулинарного термина «заливное»:

*Сонечка... чего хочешь бери, **заливного** возьми, это лучше [с. 410].*

*Sonieczko... Częstość się, czym chcesz. Weź **mięso w galarecie**, najsmaczniejsze [с. 320].*

Переводчик фактически лишь дал описание блюда, обозначив его как «mięso w galarecie» («мясо в желе»).

2.6.2. Пояснения

Суть пояснения лежит в развитии содержания реалии при помощи ее детализации. В то время как описание ограничено лишь интерпретацией реалии, пояснение сочетается с обращением к дополнительной информации (именам, датам и так далее), свойства и

объем которой обусловлены тем, насколько важна конкретная реальия для полноценного восприятия текста перевода. Переводящий определяет контекст и обстановку, время написания текста, его автора и ставит рамки, не выходя за которые, эта информация будет дополнять лингвистические сведения, обеспечивая адекватное понимание текста; это увеличивает объем перевода. Последний факт дает основу критике данного приема: некоторые специалисты считают нерациональным использование дополнительных сведений, отмечая, что это приводит к отвлечению читателя от основного повествования.

Среди основных видов пояснений можно отметить постраничные сноски, внутритекстовые пояснения и затекстовые комментарии.

2.7. Уподобляющие приемы

Данная группа включает в себя замены своим или чужим аналогом, родовидовые замены и замену контекстуальным аналогом. Подобное разнообразие мотивировано высокой частотностью их применения польскими и в особенности хорватскими переводчиками.

2.7.1. Замена своим аналогом

Данный прием упоминается А. В. Федоровым в своей работе: «Третий способ передачи слов, обозначающих инонациональные реалии, состоит в использовании слов родного языка, означающих нечто близкое или похожее по функции, хотя бы и не абсолютно тождественное» [Федоров, 2002: 212]. Некоторые исследователи используют также термин «функциональный аналог». Отмечается, что данный прием применяется достаточно часто. Это подтверждается в нашей работе, притом хорватские переводчики используют его чаще, чем польские.

Пример мы возьмем из хорватского текста. Это перевод понятия «приказчик»:

*...и я наверно узнала, что купеческие **приказчики** и некоторые канцеляристы хотели нанести нам низкое оскорбление... [с. 38].*

*...a kako sam pouzdano doznala, trgovački su **pomoćnici**, a i neki pisari, u namjeri da nas ljuto uvrijede... [с. 21].*

Другой пример мы также возьмем из хорватского текста. Это перевод названия предмета одежды («платок»):

*и, накинув на голову тот самый зеленый драдедамовый **платок**, о котором упоминал в своем рассказе покойный Мармеладов... [с. 433]*

*prebacivši preko glave onaj podsukneni zeleni **rubec**, što ga je spominjao pokojni Marmeladov... [с. 237]*

Здесь переводчик употребил диалектизм «rubec» (в стандартном хорватском это слово пишется как «rubac»). Последний является традиционным хорватским головным убором и отличается от платка, хотя и очень похож на него.

Среди основных недостатков этого приема можно упомянуть следующее: реалии языка оригинала текста, замененные своим аналогом в тексте перевода, порождают у читателя местные ассоциации, так как они передаются обыденными для него словами или словосочетаниями, не предоставляя новых терминов и, соответственно, опуская национально-специфичный окрас текста.

2.7.2. Замена чужим аналогом

Данный прием подразумевает передачу реалии языка оригинала при помощи замены иным словом, называющим нечто схожее, или при помощи уже освоенной реалии другого иностранного языка (не языка перевода). Предмет или явление, неизвестное читателям, заменяется другим, хорошо знакомым. В нашей работе такой прием чаще используется польскими переводчиками, с некоторой тенденцией выбора германизмов. К основному недостатку этого приема можно отнести полную потерю национально-культурной специфики реалии и выработке у читателей некорректного образа России XIX века.

В нашем материале подобные замены в основном использовались польскими переводчиками (они заменяли некоторые русские реалии на слова немецкого происхождения). К примеру, так была переведена реалия «харчевня»:

войдя в харчевню, он выпил рюмку водки и съел с какою-то начинкой пирог [с. 61].

wszedł więc do garkuchni, wypił kieliszek wódki i zamówił pierożek z jakimś tam nadzieniem [с. 47].

Таким образом, используется чужой аналог немецкого происхождения: «garkuchnia». Другим примером может послужить перевод слова «распивочная»:

нестерпимая же вонь из распивочных, которых в этой части города особенное множество... [с. 6].

szczególna w tej części miasta mnogość knajp, z których dochodziła odrażająca woń... [с. 6].

Польский переводчик снова прибегает к использованию чужого аналога, пришедшего в Польшу из германских государств: «кпајра».

2.7.3. Родовидовые замены

Данный прием также называют гипонимическим или обобщенно приблизительным. При его применении предполагается замена реалии гипонимом или гиперонимом (родовым понятием) языка перевода. Данный метод применяют в случаях, когда нет соответствующего совпадения в переводящем языке или освоенной реалии (чужого аналога) из иного языка, при этом национально-культурная специфика реалии либо опускается в полном объеме, либо в некоторой степени компенсируется при помощи уточняющих слов, акцентирующих внимание на ее основной национальной черте, дающей возможность охарактеризовать этот предмет как имеющий отношение к русской этнокультуре.

В нашем материале примером может послужить хорватский перевод слова «мостовая»:

*не доходя Сенной, на **мостовой**...* [с. 167].

*još prije Sijenskoga trga stajao je, na **cesti*** [с. 90].

Переводчик выбрал не очень удачный вариант, использовав родовидовую замену: «cesta», то есть просто «дорога».

2.7.4. Замена контекстуальным аналогом

Еще один из уподобляющих приемов, упомянутых нами – замена контекстуальным аналогом. Под последней понимается замена реалии исходного языка иноязычным словом, которое максимально верно передает ее значение в конкретном контексте. Таким образом, этот

прием представляет собой иррегулярный вариант перевода, который может использоваться лишь в данном конкретном контексте. В западноевропейском переводоведении данный прием называют ассоциативным переводом.

Примером в работе может послужить хорватский перевод слова «юродивая»:

“Юродивая! юродивая! - твердил он про себя. [с. 346].

"Luđakinja, luđakinja!" - ponavljaо je u sebi. [с. 190].

Хорватский вариант подчеркивает помешательство женщины, что верно для данного контекста, но не неся при этом религиозного подтекста.

2.8. Опускание

Ряд лингвистов называют этот переводческий прием контекстуальным, или нулевым, переводом, указывая на полное отсутствие любых аналогов переводимого слова. Содержание последнего при этом передается путем соответственного изменения контекста.

Широкое разнообразие переводческих приемов формирует большой возможный выбор вариантов перевода реалий. Факторы, определяющие последний в конкретном контексте, а также потенциальное воздействие вариативности переводческих решений на адекватность перевода, изложены в третьей главе данной работы.

Выводы по главе II

В результате исследования вариаций типизации приемов передачи реалий, применяемых российскими (и ранее – советскими) и зарубежными специалистами со времен возникновения переводоведения как независимой дисциплины и до начала XXI века, было описано развитие переводческой науки и градуального возрастания ее взаимодействия со смежными направлениями: лингвокультурологией, лингвострановедением, этнолингвистикой и пр. Было отмечено, что значимый прогресс в исследовании приемов передачи реалий стал проявляться приблизительно с 1950-х годов; были обозначены три этапа данного процесса, которые добавляли новые пласты знания и практики, каждый раз поднимая теорию приемов передачи реалий на новые уровни:

Первый этап приходится на 1950 – 1960-е гг. В этот период зарубежные и советские специалисты исследовали проблемы осуществления перевода безэквивалентной лексики, а реалий – лишь как ее составной части, не делая их отдельным предметом изучения.

Второй этап – 1970-1980-е гг. В это время советские и иностранные лингвисты выделяют в своих работах реалии как особый слой лексики, а также сосредотачиваются на их изучении вне прочей безэквивалентной лексики. Важно отметить, что на этом этапе акцентируется то, что реалии переводимы. Описываются некоторые приемы их передачи, различавшиеся в трудах по их изучению в зависимости от ученого. Тем не менее, по причине отсутствия единства в формулировании понятия реалий в переводческой науке вариации сочетаний переводческих приемов в разных научных концепциях расходятся. Осознается, что в

ходе принятия переводческих решений, необходимо принимать во внимание как характер текста, так и характер коммуникации, но на данном этапе приемы передачи реалий все еще слабо изучены, а исследовательский материал отобран лишь на основе немногочисленных языковых пар и категорий текста.

Третий этап – 1990-е гг. – по наши дни. Исследование передачи национально-культурного колорита и особенностей исходного текста при осуществлении перевода не только сохраняет свою актуальность, но и приобретает еще большую значимость и анализируется во многих трудах по теории и практике перевода, лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации и смежных науках как в России, так и за рубежом. Также стоит отметить, что трудам, относящимся к данному этапу, свойственен более всеобъемлющий подход к исследованию передачи реалий на другие языки. Отмечая постоянно растущее количество теоретических исследований проблем, с которыми сталкиваются переводчики, можно обнаружить все большую разнородность терминологического и понятийного аппарата традуктологии.

Исследование существующих классификаций приемов передачи реалий продемонстрировало нехватку обобщающих работ, которые бы предоставляли единое и интегративное изложение как самих приемов передачи реалий, так и основ их кодификации.

Исследование применяемых различными специалистами классификаций приемов передачи реалий дало возможность разделить реалии по группам. Базисом для этого послужили формально-смысловые языковые отношения, обозначившие типы

потенциального взаимодействия между компонентами исходного текста. Исходя из потенциально выбираемого метода передачи содержания и формы, а также оставления или опущения при этом культурного и национально-исторического окраса текста, были отмечены четыре ключевые категории приемов передачи реалий:

- I. Приемы механической передачи.
- II. Приемы создания нового слова.
- III. Разъясняющие приемы.
- IV. Уподобляющие приемы.

В свою очередь, из данных групп были выделены следующие подгруппы:

- 1. Приемы механической передачи.
 - 1.1. Прямой перенос без внесения изменений.
 - 1.2. Транслитерирование.
 - 1.3. Транскрибирование.
- 2. Приемы создания неологизма (нового слова).
 - 2.1. Полное калькирование.
 - 2.2. Частичное калькирование.
 - 2.3. Введение авторских неологизмов.
- 3. Разъясняющие приемы.
 - 3.1. Описание.
 - 3.2. Пояснения.
- 4. Уподобляющие приемы.
 - 4.1. Замена своим аналогом.
 - 4.2. Замена чужим аналогом.
 - 4.3. Родовидовые замены.

4.4. Замена контекстуальным аналогом.

5. Опущение.

Исходя из обозначенных целей, в рамках работы было установлено содержание каждого из вышеперечисленных приемов, а также их основные преимущества и недостатки.

ГЛАВА III. Приемы передачи реалий в польском и хорватском переводах романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»

3.1. Тематическая классификация реалий в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»

Реалии романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского были разделены нами на 3 основные группы, относящиеся к отличительным чертам географической среды, этнографии и социополитического устройства Российской империи XIX века: географические, этнографические и общественно-политические реалии. Данные типы реалий также распределены по подгруппам для того, чтобы отметить специфику использования приемов перевода и их сочетаний в зависимости от конкретной тематической подгруппы.

Так как географические реалии весьма малочисленны, данная группа не была подвергнута разбиению. Этнографические реалии, самые многочисленные из представленных, были разбиты на пять подгрупп, а общественно-политические – на две и исследовали особенности осуществления перевода в отношении каждой подгруппы. Исходя из частотности различных групп реалий в романе, мы установили следующие основные группы реалий:

- 1. Географические реалии.**
- 2. Этнографические реалии.**
 - 2.1. Бытовые реалии.
 - 2.1.1. Кулинарные реалии.
 - 2.1.2. Реалии, называющие предметы одежды, обуви и головные уборы.
 - 2.1.3. Реалии, называющие жилые постройки, помещения, их части, а также предметы мебели и домашнего обихода.
 - 2.1.3.1. Реалии, называющие сооружения, жилые постройки и их части.
 - 2.1.3.2. Реалии, называющие помещение, его части.
 - 2.1.3.3. Реалии, называющие предметы мебели и домашнего обихода.
 - 2.1.4. Реалии транспорта.
 - 2.2. Реалии труда и досуга.

- 2.3. Реалии культуры, искусства, религии.
 - 2.3.1. Реалии, относящиеся к культуре и искусству.
 - 2.3.2. Реалии, относящиеся к религии.
- 2.4. Реалии-меры.
- 2.5. Реалии-деньги.
- 3. **Общественно-политические реалии.**
 - 3.1. Административно-территориальные реалии.
 - 3.2. Реалии государственного устройства.
 - 3.2.1. Реалии, называющие сословное положение.
 - 3.2.2. Реалии, называющие политические и общественные направления и их представителей.
 - 3.2.3. Реалии, называющие верховных правителей и их титулы.
 - 3.2.4. Реалии, называющие должности.

Помимо зависимости от денотата, также было взято во внимание временная дифференциация реалий, созданная С. Влаховым и С. Флориным [Влахов, Флорин, 1986: 66]. Соответственно, также было применено разделение на исторические (архаизмы и историзмы) и современные реалии. Важно отметить, что у исторических реалий статус может меняться: в случаях, когда денотат вновь становится частью жизни общества, его наименование также снова входит в употребление. Примерами из российской общественной жизни могут послужить такие реалии как «дума», «префектура» или «сенатор». Данный факт необходимо принимать во внимание при осуществлении перевода, так как историзмы часто неизвестны читателю, а потому требуют добавления пояснений в виде комментариев или сносок.

3.2 Приемы передачи реалий из различных тематических групп русских словарных реалий в польских и хорватских переводах романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»

3.2.1. Географические реалии

К данной группе относятся наименования реалий, называющие определенные природные явления, географические понятия, уникальные черты флоры и фауны. Географические реалии,

относящиеся к физической географии, семантически близки к терминам, что усложняет их точное определение и передачу при переводе. С. Влахов и С. Флорин указывали на неопределенность рамок географических реалий и отмечали, что при их передаче в ходе осуществления перевода требуется особый индивидуальный подход: так, единственная географическая реалия, отмеченная нами в тексте «Преступление и наказание» – *степь* – это равнины в умеренных и субтропических климатических поясах, поросшие травянистой растительностью. В разных регионах они называются по-разному: пушта в Венгрии, прерии в Северной Америке, пампа в Южной Америке. Можно прийти к выводу, что это термин, а не реалия, однако, ссылаясь на Влахова и Флорина [Влахов, Флорин, 1986: 51], можно заключить, что подразумевается именно характерный русский ландшафт, то есть реалия, а не что-то общее. В тексты перевода данная реалия вводится переводчиками при помощи замен своими полными аналогами: *Step* в польском переводе и *Stepa* в хорватском переводе.

Группа географических реалий достаточно малочисленна, что можно объяснить как нахождением России, Польши и Хорватии в относительно схожих природно-географических условиях, так и тем, что в основном сюжет выбранных нами произведений Ф. М. Достоевского описывает события, происходящие в городской среде.

3.2.2 Этнографические реалии

Этнографические реалии играют большую роль в придании художественным текстам живого национального, регионального или местного окраса, а потому им часто уделяют особое внимание в переводческой литературе.

В данную группу мы внесли лексические единицы, называющие разнообразные понятия из направления, исследующего сферы быта, народной культуры, традиции и обычаи, религию, искусство и пр. Эта тематическая группа подразделяется в нашей работе на следующие подгруппы: бытовые реалии, реалии труда и досуга, реалии культуры, искусства и религии, реалии-меры и реалии-деньги.

3.2.2.1. Бытовые реалии

Данная группа реалий более всего представлена в нашей работе. Она описывает характер жилищных условий, внутреннего убранства домов, предметы национального одеяния, кухонных приборов, пищи и прочее. Так как эта группа столь обширна, то мы разделили ее на подгруппы: кулинарные реалии, реалии одежды, реалии жилья, мебели и посуды и реалии транспорта.

3.2.2.1.1. Кулинарные реалии

Водка – изначально на польском слово *wódka* означало «маленькая вода», водичка (так же, как и в старорусском периоде русского языка и в иных славянских языках). Данное слово на польский было переведено путем использования своего аналога (водка также является и польским напитком; существует теория, что данный напиток именно польского происхождения), а вот при переводе на хорватский было заменено на слово «*rakija*» (которое обычно обозначат крепкий алкогольный напиток, распространенный на Балканском полуострове). Вероятно, данная замена была произведена по причине схожего символического значения крепкого алкоголя, являющегося аналогом водки у южных славян (в хорватском языке существует слово *voška*, но этот напиток не типичен для Балкан).

Русская реалия: **водка**.

Русский контекст: *да ничего, чай, водка, селедка. Пирог подадут...* [с. 143]

Польский перевод: *nic szczególnego, będzie herbata, wódka i śledzik, pieróg też zostanie podany...* [с. 113]

Хорватский перевод: *pa ništa: čaja, rakije, sleđeva. Bit će i piroga: skupit će se sami prijatelji...* [с. 177]

Блины – одно из самых древних блюд русской кухни, которое прослеживается вплоть до IX века и даже ранее. Данное слово происходит от искаженного «млин» (далее от «молоть»). Таким образом, «мелин» или «млин» подразумевают что-то, приготовленное из намеленного, мучное изделие. Здесь также рассмотрим реалию *кулебяки*. Польский переводчик для передачи реалии использовал транскрибирование: *bliny, kulebiaczki*. На хорватский же эти реалии были переданы заменой своим и чужим аналогами – «*palačink*» и

«*pašteta*». Таким образом, передается ядерный компонент денотативного содержания лексемы, однако теряется изначальный национальный колорит.

Русская реалии: **блины, кулебяки.**

Русский контекст: *эссенция блинов, жирных кулебяк, вечернего самовара...* [с. 223]

Польский перевод: *zapach blinów, ociekający masłem kulebiaczek, wieczorową porą samowar...* [с. 173]

Хорватский перевод: *esencija palačinki, masnih pašteta, večernjeg samovara...* [с. 122]

Варенье – традиционный десерт в кухнях восточных славян, а также прибалтов. Слово происходит от древнерусского «варити» (варить). Тем не менее, у этого слова нет полного эквивалента ни в польском, ни в хорватском языках. Так, на польский данная реалия переводится как *malinowa konfitura*. Слово *konfitura* также значит «варить в сахаре», в некоторых контекстах имея значение «джем». На хорватский же «варенье» было переведено как *malinova soka*, поскольку изготовление фруктовых консервов менее распространено среди южных славян, нежели среди восточных. Несмотря на наличие хорватского аналога *slatko* переводчик выбрал менее удачный вариант.

Русская реалия: **варенье.**

Русский контекст: *надо, чтобы Пашенька сегодня же нам малинового варенья прислала* [с. 132]

Польский перевод: *przysłałoby się powiedzieć Paszeńce, by jeszcze dzisiaj nam tutaj malinowych konfitur przysłała* [с. 105]

Хорватский перевод: *mora nam Pašenjka još danas poslati malinova soka* [с. 71]

Щи – один из распространенных видов супов, приготовляемых на кухнях у восточных славян. Исходная форма этого слова – «сьти» – восходит к древнерусскому съто («пропитание»). Как на польский, так и на хорватский данная реалия была передана методом транскрипции: *szczy* в польском языке, *šći* в хорватском. Хотя такое блюдо не типично

для поляков или хорватов, транскрипция была использовано по причине относительной известности русской кухни среди этих народов.

Русская реалия: **щи**.

Русский контекст: *сайку я тебе сею минутою принесу, а не хошь ли вместо колбасы-то щей?* [с. 33]

Польский перевод: *buleczkę to ci zaraz przyniosę, a może zamiast kielbaski chciałbyś szczy?* [с. 26]

Хорватский перевод: *žemičku ću ti odmah donijeti, ali zar ne bi mjesto kobasice šči?* [с. 18]

Заливное – блюдо, вошедшее в русскую кухню, вероятно, благодаря работе французских поваров, предпринимавших попытки модернизировать некоторые блюда рациона россиян. Этимология данного слова достаточно очевидна современному читателю (от слова «заливать»). В польском и хорватском нет подобного понятия, вследствие чего переводчики применили методы замены своими аналогами, либо прием описания. Так, в польском переводе было использовано словосочетание *mięso w galarecie* («мясо в желе»). Хорватский переводчик использовал слово *hladetina* («холодец»). В то время как в русском *заливное* и *холодец* – разные понятия, для южных славян разница между ними стирается.

Русская реалия: **заливное**.

Русский контекст: *Сонечка... чего хочешь бери, заливного возьми, это лучше* [с. 410].

Польский перевод: *Sonieczko... Częstuj się, czym chcesz. Weź mięso w galarecie, najsmaczniejsze* [с. 320].

Хорватский перевод: *Sonječka... uzimaj, što te volja! Uzmi hladetina, to je najbolje* [с. 225].

3.2.2.1.2. Реалии, называющие предметы одежды,

обуви и головные уборы

Данная группа реалий специфична тем, что практически все называемые ею предметы на данный момент вышли из употребления, то есть стали историческими реалиями. Эти слова также можно отметить

как архаизмы, они не являются общеизвестными понятиями даже в России, а для польских и хорватских читателей их истинное значение скрыто. Данный факт оказал воздействие на выбор тех или иных переводческих приемов и решений.

Сибирка – подразумевается русская верхняя одежда, сделанная из сукна, являющаяся коротким кафтаном в талию со сборками. И на польский, и на хорватский эта реалия была передана при помощи транскрипции: *sybirka* на польском и *sibirka* на хорватском. Это указывает на то, что переводчики сами едва ли разбираются в данном понятии, но решили сохранить некий национальный окрас, указав на то, что это «предмет сибирской одежды».

Русская реалия: **сибирка**.

Русский контекст: *товарищ его, толстый, огромный, в сибирке и с седою бородой, очень захмелевший, задремавший на лавке* [с. 13].

Польский перевод: *jego kamrat w sybirce, tegi, barczysty chłop z siwą brodą, mocno podпиты, drzemał na siedząco* [с. 11].

Хорватский перевод: *a i njegov drug, debeo, golem, u sibirci, 6 sijede brade, pijan pijanecat, koji je drijetao na klupi* [с. 8].

Кацавейка – данное слово происходит из польского (польск. *kasabajka*) и представляет собой женскую распашную короткую кофту с мехом. Как можно было ожидать, данная реалия была передана на польским при помощи использования исходного слова, то есть своего аналога (*kasabajka*). Хорватским же переводчиком использовалось слово *pršnjak* (то есть предмет традиционной балканской зимней одежды), что также равносильно замене собственным аналогом.

Русская реалия: **кацавейка**.

Русский контекст: *...а на плечах, несмотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтелая меховая кацавейка* [с. 9].

Польский перевод: *...na ramiona zaś, pomimo upału, narzuciła wystrzępioną i wyliniąłą futrzaną kasabajkę* [с. 8].

Хорватский перевод: *...а о ramenima joj visi, usprkos žegi, krznen pršnjak, sav iskrzan i požutio* [с. 5].

Сюртук – слово французского происхождения (от фр. *surtout*); некоторые исследователи полагают, что оно было заимствовано из греческого через польский. При переводе польский переводчик употребил замену чужим аналогом: *surdut*. Его коллега из Хорватии использовал хорватский аналог *kaput* («пальто»), что объясняется исторически меньшим французским влиянием на Балканы, а также менее интенсивными контактами южных славян с западными славянами, нежели контактами последних с восточными славянами.

Русская реалия: **сюртук**.

Русский контекст: *...а что у ней буль фатер аус Берлин, и таки длинны сюртук носиль, и всё делаль: пуф, пуф, пуф!* [с. 417]

Польский перевод: *...ona natomiast ma Vater aus Berlin, taki dlugi surdut nosil i caly czas tylko "puf-puf" robil!* [с. 326]

Хорватский перевод: *...a njen je otac bila aus Berlin, i tako dugačka kaput nosila i sve radila: puf, puf!* [с. 228]

Кафтан – как отмечает Большая советская энциклопедия, данное слово было заимствовано в русском из тюркских языков. При его переводе и польский, и хорватский переводчики использовали транскрибирование (*kaftan* в обоих языках), что объясняется неславянским происхождением этого слова.

Русская реалия: **кафтан**.

Русский контекст: *это был молодой парень в кафтане, с бородкой, и с виду походил на артельщика.* [с. 128].

Польский перевод: *był to młodziak ubrany w kaftan, noszący bródkę i mający wygląd biuralisty.* [с. 101].

Хорватский перевод: *bio je to mlad momak u kaftanu, s bradicom, po vanjštini nalik na trgovačkog pomoćnika.* [с. 69].

Платок – слово, образованное суффиксальным способом от основы «плать» (кусок материи). Платок – кусок ткани, обычно квадратной или треугольной формы, в основном использующийся в качестве головного убора. В польском переводе использован полный эквивалент – *chusta*. Хорватский же переводчик заменил его своим аналогом, являющемся к тому же диалектизмом: *rubec*. В стандартном

хорватском это слово пишется как *rubac*. Последний является традиционным хорватским головным убором и несколько отличается от платка, но в целом почти ему идентичен. Можно отметить тенденцию хорватских переводчиков к замене русских реалий собственными аналогами, в то время как в русско-польском переводе можно проследить значительные исторические связи и взаимодействие между польским и русским народами.

Русская реалья: **платок**.

Русский контекст: *и, накинув на голову тот самый зеленый драдедамовый **платок**, о котором упоминал в своем рассказе покойный Мармеладов... [с. 433]*

Польский перевод: *i zarzuciwszy na głowę tę samą zieloną **chustę** z dradedami, o której napomknął w swojej opowieści Marmieladow... [с. 338]*

Хорватский перевод: *prebacivši preko glave onaj podsukneni zeleni **rubec**, što ga je spominjao pokojni Marmeladov... [с. 237]*

Фуражка – слово происходит от французского «fourrage» («фураж» или корм для скота). Польским переводчиком применена замена своим аналогом: *kaszkieta* (плоская кепка), так как полный эквивалент отсутствует. Хорватский переводчик использовал еще менее точную замену – *kapa* (кепка) – не передающую полное значение исходного слова.

Русская реалья: **фуражка**.

Русский контекст: *Дуня смотрела на брата с недоверчивым удивлением. В руках была **фуражка**; он готовился выйти [с. 333].*

Польский перевод: *Dunia spojrzala na brata z niedowierzaniem i zdumieniem. W ręku trzymał **kaszkieta**; gotowy był do wyjścia [с. 257].*

Хорватский перевод: *Dunja je gledala brata s nepovjerljivim čuđenjem. U rukama mu je bila **kapa**; spremaše se da ode [с. 182].*

3.2.2.1.3. Реалии, называющие жилые постройки, помещения,

их части, а также предметы мебели и домашнего обихода

3.2.2.1.3.1. Названия сооружений, жилых построек и их частей:

Дача – в современном значении это загородный дом с участком земли. Исторически происходит от слова «дар», так как так назывались земли, дарованные князем его людям. При передаче данной реалии польский переводчик использовал метод транскрибирования: *dacza*, что в целом ожидаемо, так как данная русская реалия достаточно хорошо известна за рубежом. Тем не менее, хорватский переводчик достаточно неожиданно использовал замену своим аналогом: *ljetnikovac* (летний дом для отдыха, в современном хорватском также употребляется слово *vikendica*). Хотя в хорватских словарях имеется слово «*daća*», как уже было отмечено, хорватские переводчики имеют тенденцию заменять в текстах инокультурные реалии своими национальными аналогами.

Русская реалия: **дача**.

Русский контекст: *столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу, — всё это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы юноши* [с. 6].

Польский перевод: *tak dobrze znany każdemu peterburżaninowi, którego nie stać na wynajęcie daczycy — wszystko to razem wzięte przygnębiająco działało na i tak już nadwreżone nerwy młokosa* [с. 6].

Хорватский перевод: *tako poznat svakom Peterburžaninu, koji nije kadar unajmiti ljetnikovac, - sve je to u jedan mah potreslo mladiću i onako već rastrojene živce* [с. 4].

Баня – это слово, вероятно, является заимствованием из латинского языка (лат. *baneum*, далее греч. *balaneion* – «купальня»). В польском переводе передано местным эквивалентом *łaźnia*, идентичным слову «*bania*», что возможно было использовано переводчиком для подчеркивания культурного контекста жизни простого народа. Хорватский переводчик вновь применил замену своим аналогом (хорватизмом, в сербском нет такого слова), использовав местное слово «*kurka*».

Русская реалия: **баня**.

Русский контекст: *...эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам науки, и вот и вся вечность* [с. 308].

Польский перевод: *...coś w rodzaju chłopskiej łaźni, okopconą, a po wszystkich kątach łażą pająki; i oto jest cała wieczność* [с. 238].

Хорватский перевод: ...*bit će ondje samo jedna sobica, tolika, kolika je seoska **kupka**, zadimljena, po svim uglovima pauci, i to ti je eto sva vječnost* [с. 169].

3.2.2.1.3.2. Помещение, его части:

Сени – нежилое помещение между жилой частью дома и крыльцом. Данная реалия была передана на польский язык транскрипцией *sieni*, так как в польском это слово обозначает практически идентичный ее эквивалент, восходящий к общим славянским корням. В хорватском же переводе она заменяется своим аналогом: *hodnik* (коридор).

Русская реалия: **сени**.

Русский контекст: *но только что он отворил дверь в **сени**, как вдруг столкнулся с самим Порфирием* [с. 478].

Польский перевод: *ledwie otworzył drzwi do **sieni**, a wpadł na Porfirego* [с. 373].

Хорватский перевод: *ali tek što je otvorio vrata u **hodnik**, sudari se sa samim Porfirijem* [с. 262].

Передняя – нежилое помещение, первое от входа. На польский было передано при помощи замены своим аналогом: *przedpokój*. Хорватский переводчик применил тот же прием: *predsoblja*.

Русская реалия: **передняя**.

Русский контекст: *последние слова были сказаны уже в **передней***. [с. 285].

Польский перевод: *te ostatnie słowa wypowiedziane zostały już w **przedpokoju*** [с. 221].

Хорватский перевод: *te je riječi izrekaó već u **predsoblju***. [с. 156].

3.2.2.1.3.3. Предметы мебели и домашнего обихода:

Самовар – по наиболее общепринятой версии – от «сам» + «варить». Самовар – металлический сосуд, применяющийся для приготовления чая и для кипячения воды. Переведено как на польский (*samowar*), так и на хорватский (*samovar*) языки транскрипированием, так как данное слово имеет в своей основе общеславянскую лексику.

Русская реалья: **самовар**.

Русский контекст: ...*да сверх того ставились разом два самовара для предлагавшихся после обеда чаю и пунишу* [с. 405].

Польский перевод: ...*a ponadto od razu nastawiono dwa samowary dla tych, którzy po obiedzie zechcą się napić herbaty czy też ponczu* [с. 316].

Хорватский перевод: ...*a osim toga su spremljena odmah dva samovara za čaj i punč poslije objeda* [с. 223].

Лавка – производное от «лава» (скамья, деревянный мостик). В польском языке имеется слово *lawka*, однако в этом языке «*na siedząco*» – не существительное, а причастие или деепричастие «сидя», здесь присутствует грамматическая трансформация. В хорватском переводе использовано слово *klupa*, то есть скамейка. В русском языке слова «лавка» и «скамейка» не совсем синонимичны, в хорватском же вообще отсутствует понятие о разнице между этими словами. Слово «*lavka*» имелось в древнехорватском языке, однако к этому моменту оно вышло из употребления.

Русская реалья: **лавка**.

Русский контекст: ...*задремавший на лавке*... [с. 13]

Польский перевод: ...*drzemał na siedząco*... [с. 11]

Хорватский перевод: ...*koji je drijetao na klupi*... [с. 8]

Сундук – имеет тюркское происхождение. В тексте польского перевода было употреблено слово *kufner*, несмотря на наличие других вариантов (*skrzynia*, *bagażnik*). Хорватские переводчики использовали такие аналоги как *škrinja*, *kovčeg*, явно избегая выбора тюркизмов (так, не было использован аналог *sanduk*).

Русская реалья: **сундук**.

Русский контекст: *наконец ему стало душно и тесно в этой желтой каморке, похожей на шкаф или на сундук* [с. 45].

Польский перевод: *wreszcie zaczął się dusić i zrobiło mu się ciasno w tej żółtej izdebce, podobnej do szafy czy też może raczej do kufra* [с. 36].

Хорватский перевод: *naposljetku mu se smući i bude mu tjeskobno u toj žutoj sobici, nalik na ormar ili na kovčeg* [с. 24].

Ушат – производное от «ухо» (сосуд с двумя ручками-ушками). В польском переводе использована замена своим аналогом: *ceber* (ср. «*leje jak z sebra*» - «льёт как из ведра»). В хорватском же переводе использовано словосочетание *dva kabla*, что довольно необычно.

Русская реалья: **ушат**.

Русский контекст: ...*вылью себе на голову два ушата воды, и готов...* [с. 214]

Польский перевод: ...*wyleję sobie na łeb dwa cebry wody i zaraz dojdę do przytomności...* [с. 167]

Хорватский перевод: ...*izliti na glavu dva kabla vode, pa gotova stvar...* [с. 117]

3.2.2.1.4. Реалии транспорта

Сенные барки – речные грузовые суда, перевозящие сено. Как в польском (*barki z sianem*), так и в хорватском (*barke z sijenom*) используются полные локализованные эквиваленты.

Русская реалья: **сенные барки**.

Русский контекст: *этот кабак, развращенный вид, пять ночей на сенных барках и штоф...* [с. 25]

Польский перевод: *ten szynk i ten z wyglądu wykolejony obdartus, który pięć nosy nosował na barkach z sianem...* [с. 20]

Хорватский перевод: *ta krčma, taj razvraćeni lik, pet noći na barkama sa sijenom i staklenica...* [с. 14]

Телега – происхождение точно не установлено, но предполагается, что данное слово заимствовано из монгольского языка, где *telege(n)* «повозка» — производное от *tele* «перевозить». Так как это слово распространилось из монгольского языка, то в обоих переводах оно передается схоже: как *telega* в польском и как *taljiga* в хорватском.

Русская реалья: **телега**.

Русский контекст: *все лезут в Миколкину телегу с хохотом и остротами* [с. 63].

Польский перевод: *gramolą się więc na telegę Mikołki, zaśmiewając i dowcipkując* [с. 49].

Хорватский перевод: *svi se hihoćući i šaleći penju na Mikołkine taljige* [с. 33].

Мостовая – хотя в польском языке и имеется полный аналог данного слова (*bruk*), здесь переводчик использовал другой вариант: *jezdniа* (проезжая часть, улица), являющееся его синонимом. Хорватский переводчик выбрал менее удачный вариант, использовав родовидовую замену: *cesta*, то есть просто «дорога».

Русская реалья: **МОСТОВАЯ**.

Русский контекст: *не доходя Сенной, на мостовой...* [с. 167].

Польский перевод: *nieopodal Siennego, na jezdni...* [с. 131].

Хорватский перевод: *još prije Sijenskoga trga stajao je, na cesti* [с. 90].

3.2.2.2. Реалии труда и досуга

Данная группа охватывает круг реалий, относящихся к названиям профессий, организации труда, торговле, заведениям общественного питания, а также кабаков и трактиров Российской империи XIX века.

Половой – в Российской империи XIX – XX веков – слуга в трактире. В польском переводе используется слово *kelner* (*osoba zajmująca się pełną obsługą konsumenta w restauracjach*) немецкого происхождения. В хорватском языке также имеется слово *kelner*, но вновь реалья передается словом более хорватского происхождения: *konobar*.

Русская реалья: **ПОЛОВОЙ**.

Русский контекст: *водки прикажете-с? - спросил половой* [с. 171].

Польский перевод: *wódeczkę każe pan sobie podać?- zapytał kelner* [с. 131].

Хорватский перевод: *je li po volji rakije? - zapita konobar* [с. 90].

Приказчик – в дореволюционной России торговый служащий или агент. На польский язык переведено словом *subiekt* (латинского

происхождения), то есть произведена замена чужим аналогом, в хорватском применен свой аналог: *potoćnici*.

Русская реалья: **приказчик**.

Русский контекст: *...и я наверно узнала, что купеческие приказчики и некоторые канцеляристы хотели нанести нам низкое оскорбление...* [с. 38].

Польский перевод: *...od zaufanych osób dowiedziałam się zaś, że pewni **subiekci** i kanceliści, chcąc nas poniżyć...* [с. 29].

Хорватский перевод: *...a kako sam pouzdano doznala, trgovački su **potoćnici**, a i neki pisari, u namjeri da nas ljuto uvrijede...* [с. 21].

Харчевня – закусовая или трактир низшего разряда. В польском переводе используется чужой аналог немецкого происхождения: *garkuchnia*. Хорватский переводчик использовал генерализацию *kuhinja*, что не передает в достаточной мере ассоциативно-коннотативное содержание этого понятия в контексте.

Русская реалья: **харчевня**.

Русский контекст: *войдя в **харчевню**, он выпил рюмку водки и съел с какою-то начинкой пирог* [с. 61].

Польский перевод: *wszedł więc do **garkuchni**, wypił kieliszek wódki i zamówił pierożek z jakimś tam nadzieniem* [с. 47].

Хорватский перевод: *uđe u **kuhinju**, ispije čašicu votke i pojede nekakav nadjeveni kolač* [с. 32].

Распивочная – заведение, где продают и распивают алкоголь. Польский переводчик вновь использует чужой аналог немецкого происхождения: *knajpra*. Можно отметить значительное германское влияние на польский язык. На хорватский данная реалья переведена южнославянским аналогом *krčma* (лавка для продажи вина и ракии). В польском также присутствует данное слово, но переводчик предпочел германизм.

Русская реалья: **распивочная**.

Русский контекст: *нестерпимая же вонь из **распивочных**, которых в этой части города особенное множество...* [с. 6].

Польский перевод: *szczególna w tej części miasta mnogość knajp, z których dochodziła odrażająca woń...* [с. 6].

Хорватский перевод: *oduran zadah iz krčama, kojih baš u ovom dijelu grada ima sva sila...* [с. 4].

Гостиный двор – комплекс зданий, где осуществляется торговля (в основном торговцами из других городов). На польский язык это понятие переведено при помощи практически идентичного словосочетания *Gościnnie Dwór*. В хорватском варианте использован довольно неудачный перевод *po dućanima* (букв. «по магазинам»), хотя частично и отображающий исходный смысл, но не передающий оригинальный текст и его стиль в полной мере.

Русская реалья: **гостиный двор**.

Русский контекст: *он поминутно прибегал к самой Катерине Ивановне, бегал даже отыскивать ее в Гостиный двор...* [с. 405].

Польский перевод: *z byle głupstwem przylatywał do Katarzyny Iwanowny, latał nawet szukać jej w Gościnnym Dworze...* [с. 316].

Хорватский перевод: *zbog svake je sitnice dotrkivao svaki čas Katerini Ivanovnoj, letio za njom i tražio je i po dućanima...* [с. 223].

3.2.2.3. Реалии культуры, искусства, религии

Эта группа включает названия музыкальных инструментов, обычаев и реалии духовной жизни России XIX века.

3.2.2.3.1. Культура и искусство:

Шарманка – механический прибор, используемый для воспроизведения музыки. Слово имеет французское происхождение. На польский (*katarynka*), как и на хорватский (*organca*), передано своими местным аналогами.

Русская реалья: **шарманка**.

Русский контекст: *насчёт шарманки, надо дозволение иметь...* [с. 462].

Польский перевод: *co się tyczy katarynki, to jest dozwolone...* [с. 359].

Хорватский перевод: *što se tiče organca, za to treba dozvola...* [с. 253].

Бубен – ударный музыкальный инструмент. На польский переведено как *tamburynec*, что является германизмом (от нем. tamburin). Вновь, несмотря на наличие своего аналога (*bębenek*), предпочтение было отдано слову немецкого происхождения. В хорватском также имеется германизм *tamburin*, но хорватский переводчик предпочел использовать менее известный термин *talambas*.

Русская реалья: **бубен**.

Русский контекст: *раздаётся разгульная песня, брякает бубен, в припевах свист* [с. 65].

Польский перевод: *słuchać słowa wulgarnej przyśpiewki, dźwięczy tamburynec, przyśpiewce zaś wtóruje gwizdanie* [с. 50].

Хорватский перевод: *razliježe se raskalašna pjesma, udara talambas, kao pripjev pozvižduju* [с. 34].

Поминки – обряды и угощение после похорон в честь умершего. В польском переводе используется полностью идентичный эквивалент *wypominki*, в хорватском же произведена замена своим аналогом *daće*.

Русская реалья: **поминки**.

Русский контекст: *она поминки устраивает?* [с. 254].

Польский перевод: *urządza wypominki?* [с. 197].

Хорватский перевод: *daću ona priređuje?* [с. 138].

3.2.2.3.2. Религия:

Вечерня – церковная служба, совершаемая вечером. И в польском (*wieczernia*), и в хорватском (*večernja*) применяются полные эквиваленты, что обусловлено наличием общей христианской лексики.

Русская реалья: **вечерня**.

Русский контекст: *...так что сегодня, к вечерне, на кладбище перенесут...* [с. 254].

Польский перевод: *...Jeszcze dzisiaj, przed wieczernią, wyniosą ciało na cmentarz...* [с. 197].

Хорватский перевод: *...te će ga danas, o večernji, prenijeti na groblje...* [с. 138].

Юродивая – человек, отринувший все мирские ценности и ведущий аскетический образ жизни, обладающий мудростью, выражающейся во внешнем безумии (контекстуально также обозначает просто чудаковатого или сумасшедшего человека). На польский переведено при помощи полного эквивалента *jurodiwa*, на хорватском произведена замена своим контекстуальным аналогом *luđakinja*. Точность польского перевода обуславливается общим христианским базисом. Однако хорватский вариант скорее подчеркивает помешательство женщины, не неся религиозного подтекста.

Русская реалья: **юродивая**.

Русский контекст: *“Юродивая! юродивая! - твердил он про себя.* [с. 346].

Польский перевод: *“Jurodiwa! Jurodiwa!- powtarzał wciąż do siebie.* [с. 267].

Хорватский перевод: *“Luđakinja, luđakinja!” - ponavljaо je u sebi.* [с. 190].

Образ – то же, что икона. Как на хорватский, так и на польский передается заменой чужим (общим) аналогом – словом греческого происхождения, так как «образ» является общехристианским понятием: *ikona*.

Русская реалья: **образ**.

Русский контекст: *он любил эту церковь и старинные в ней образа, большую часть без окладов...* [с. 62].

Польский перевод: *bardzo lubił tę cmentarą cerkiewkę i jej prastare ikony, w większości bez ryz...* [с. 48].

Хорватский перевод: *volio je tu crkvu i starinske ikone u njoj, ponajviše bez okvira...* [с. 33].

Кутья – слово греческого происхождения, являющееся названием каши, используемой в славянских христианских обрядах. Вновь можно отметить относительную общность славянской христианской лексики: на польский переводится как *kutia*, а на хорватский – как *koljivo* (при

этом в хорватском также имеется слово *kutia*, но использован более распространенный вариант славянского происхождения).

Русская реалья: **кутья**.

Русский контекст: *при этом всегда они брали с собою кутью на белом блюде...* [с. 62].

Польский перевод: *przy czym na tę okazję zawsze przygotowywana była kutia, którą rodzice zabierali ze sobą na białym półmisku...* [с. 48].

Хорватский перевод: *nosili su onda sa sobom koljivo u bijeloj zdjeli...* [с. 33].

3.2.2.4. Реалии-меры

Верста – русская мера длины, равная 1,06 км. На польский (*wiorsta*) и хорватский (*vrst*) было передано при помощи транскрипции. Стоит отметить, что русские реалии-меры (так же, как и реалии-деньги) частично являются и польскими ввиду того, что в XIX – начале XX вв. восточная часть Польши (Царство Польское, позднее Привислинские губернии) входила в состав Российской империи.

Русская реалья: **верста**.

Русский контекст: *до железной дороги от нас всего только девяносто верст...* [с. 45].

Польский перевод: *do stacji kolei żelaznej jest od nas tylko dziewięćdziesiąt wiorst...* [с. 35].

Хорватский перевод: *do željeznice je od nas svega devedeset vrsta* [с. 24].

Пуд – устаревшая единица измерения веса. Как на хорватский, так и на польский передано транскрибированием: *rud*. Данный факт объясняется общеславянскими корнями данной реалии.

Русская реалья: **пуд**.

Русский контекст: *...может быть, пуда в полтора весу, прилежавший прямо к каменной уличной стене* [с. 118].

Польский перевод: *...nieociosany głaz, ważący co najmniej półtora puda, oparty o ów mur, za którym znajdowała się ulica* [с. 94].

Хорватский перевод: ...*težak možda nekako pud i po, a do samog kamena uličnoga zida* [с. 63].

Аршин – устаревшая русская единица измерения длины. Происхождение слова, вероятно, турецкое. Как на польский (*arszyn*), так и на хорватский (*aršin*) передано транскрибированием.

Русская реалия: **аршин**.

Русский контекст: ...*между воротами и желобом, где всё расстояние было шириною в аршин*... [с. 118].

Польский перевод: ...*między bramą a ową rynną na urynę, a więc w zakątku nie mającym nawet arszyna szerokości*... [с. 94].

Хорватский перевод: ...*između vrata i jarka, gdje nije razmak širi od aršina*... [с. 63].

Вершок – старая русская мера длины, равная 4,4 см. Вновь реалия передана как на польский (*werszek*), так и на хорватский (*vršak*) при помощи транскрипции.

Русская реалия: **вершок**.

Русский контекст: ...*тогда как Лизавета, по крайней мере, восьми вершков росту*... [с. 72].

Польский перевод: ...*jak jakieś małe dziecko, choć tamta ma co najmniej osiem werszków wzrostu*... [с. 56].

Хорватский перевод: ...*kao malo dijete, ma da je Lizaveta najmanje osam vršaka visoka*... [с. 38].

Сажень – устаревшая русская мера измерения расстояния. На польский передано при помощи транскрибирования (*sążeń*), а вот в хорватском заменено своим аналогом: *hvat*.

Русская реалия: **сажень**.

Русский контекст: ...*что в Иване Великом тридцать пять сажень высоты*... [с. 274].

Польский перевод: ...*że dzwonnica Jana Wielkiego ma trzydzieści pięć sążni wysokości*... [с. 212].

Хорватский перевод: *...jer je Ivan Veliki visok tridest i pet hvati...* [с. 150].

Лот – устаревшая единица измерения массы, применявшаяся в Европе и России. Общность данной лексической единицы очевидна: при переводе заменена чужим аналогом (слово *lot* – английского происхождения) - *lut* в польском и *lot* в хорватском.

Русская реалья: **лот**.

Русский контекст: *...письмо было большое, плотное, в два лота...* [с. 35].

Польский перевод: *...list był ogromny, pismo zwarte, ważył dobre dwa luty...* [с. 27].

Хорватский перевод: *pismo je bilo veliko, debelo, dva lota...* [с. 19].

3.2.2.5. Реалии-деньги

Копейка - денежная единица, равная одной сотой рубля. При переводе на польский и хорватский использовано транскрибирование (*kopiejki* в польском и *korjejkі* в хорватском), а также даны сноски с пояснениями. При этом польская *kopiejka* также является и частичной реальией для Польши ввиду того, что восточная часть страны раньше была частью Российской империи.

Русская реалья: **копейка**.

Русский контекст: *...вот твои три копейки, только ради Бога, скорей уйди!* [с. 35].

Польский перевод: *...masz tu swoje trzy kopiejki, tylko błagam, zostaw mnie teraz samego!* [с. 27].

Хорватский перевод: *evo ti tvoje tri korjejkі, samo, za boga, odlazi brže.* [с. 19].

Рубль – так же, как и в случае с копейками, передан транскрибированием: *rubel* в польском и *rublja* в хорватском.

Русская реалья: **рубль**.

Русский контекст: *в кошельке оказалось триста семнадцать рублей серебром и три двугривенных* [с. 571].

Польский перевод: *w sakiewce znaleziono trzysta siedemnaście rubli srebrem i trzy monety o nominale dwóch grzywien każda* [с. 443].

Хорватский перевод: *u novčarki je bilo tristosedamnaest rubalja srebra i tri komada od dvadeset kopjejaka* [с. 312].

Гривна – счётно-денежная единица, равная 10 копейкам, в дореволюционной России. На польский передано заменой своим аналогом *grzywna*, в хорватском же использован не совсем точный перевод: *kopjejka*.

Русская реалья: **гривна**.

Русский контекст: *вот-с, батюшка: коли по гривне в месяц с рубля...* [с. 11].

Польский перевод: *oto, co wychodzi, dobrodzieju: jeśli miesięcznie po grzywnie z rubla...* [с. 10].

Хорватский перевод: *evo, baćuška: na rubalj deset kopjejaka mjesečno...* [с. 7].

Двухкопеечник – монета в 2 копейки. На польский передано калькированием: *dwukopiejkówki*; на хорватский же – не столь хорошо передающим исходный текст словосочетанием *dvije kopjejke*.

Русская реалья: **двухкопеечник**.

Русский контекст: *в ожидании двухкопеечника из лавочки* [с. 167].

Польский перевод: *wyczekując na rzucenie jej dwukopiejkówki przez właściciela sklepiku* [с. 131].

Хорватский перевод: *iščekivala da joj iz sitničarije dadnu dvije kopjejke* [с. 90].

3.2.3. Общественно-политические реалии

В данной группе представлена лексика, описывающая общественно-политическое устройство Российской империи XIX века, вследствие чего многие реалии этого типа относятся к историческим, что важно принимать во внимание в ходе переводческого процесса.

Реалии указанной группы нередко представляют сосредоточие национально окрашенной лексики, важной при описании специфики жизни носителей языка. Они активно употребляются для представления российской действительности, привнося в текст живой национальный колорит, что делает адекватный их перевод одним из ведущих приоритетов.

3.2.3.1. Административно-территориальные реалии

Губерния – исторически основная административно-территориальная единица в Российской империи, начиная с XVIII века. Как на польский, так и на хорватский реалия была передана при помощи транскрибирования (*gubernia* в польском переводе и *gubernija* в хорватском).

Русская реалия: **губерния**.

Русский контекст: *...в один монастырь в Е-й губернии, на вечный помин души* [с. 72].

Польский перевод: *...dla pewnego monasteru w N-skiej guberni, by modlono się tam w intencji wiecznego spokoju duszy testatorki.* [с. 56].

Хорватский перевод: *vi su novci namijenjeni manastiru u N-skoj guberniji, za vječiti pomem njene duše.* [с. 38].

3.2.3.2. Реалии государственного устройства

3.2.3.2.1. Сословное положение:

Барин – в дореволюционной России: человек из привилегированных классов, а также обращение к нему. На польский передано заменой своим аналогом: *panicz*. Хорватский переводчик также применяет замену своим аналогом: *gospodin*.

Русская реалия: **барин**.

Русский контекст: *Я, милый барин, всегда с вами рада буду часы разделить...* [с. 170].

Польский перевод: *Miły paniczu, zawsze będę rada spędzić z panem godzinkę...gospodine* [с. 134].

Хорватский перевод: *Ja sam, mili gospodine, svagda voljna provoditi s vama vrijeme* [с. 92].

Барышня - девушка из барской семьи (то же, что и барин, только женского пола). На польский и хорватский было передано своими аналогами: *hrabianeczka* (уменьшение, дворянский титул) в польском переводе и *gospođica* в хорватском.

Русская реалия: **барышня**.

Русский контекст: *может, и у него росли такие же дочери- “словно как барышни и из нежных”*. [с. 56].

Польский перевод: *możliwe, że on sam miał dorastające córki “istne hrabianeczki i delikatniutkie takie”*. [с. 43].

Хорватский перевод: *možda i u njega rastu isto takve kćeri - “kao prave gospođice i nježne”* [с. 29].

Мещанин – лицо городского сословия ниже купеческого. Слово польского происхождения (от польск. *miasto* – город). В польском переводе ожидаемо использована замена своим аналогом: *mieszczuch*. Хорватский же переводчик заменил его местным эквивалентом: *građanin* (горожанин).

Русская реалия: **мещанин**.

Русский контекст: *один хмельной, но немного, сидевший за пивом, с виду мещанин*; [с. 13].

Польский перевод: *Jakiś podchmielony, ale nie za bardzo, jegomość który jakby rozmyślał nad czymś przy piwie, z wyglądu mieszczuch*; [с. 11].

Хорватский перевод: *jedan čovjek uz pivo, pripit, ali samo malo, naoko građanin* [с. 8].

Мужик – термин исторически обозначал простолюдина, крестьянина. Польский переводчик неудачно заменил своим аналогом: *pan* (несмотря на наличие польского аналога *chłop*). При этом явно утрачивается оттенок исходного обращения и ассоциативно-коннотативного компонента значения исходного слова. В хорватском также использован не совсем точный перевод, но существенно ближе к оригинальному: *seljak* (селянин, простой крестьянин).

Русская реалия: **мужик**.

Русский контекст: *нет, не убежите, мужик убежит...* [с. 492].

Польский перевод: *nie, pan nie ucieknie.* [с. 384].

Хорватский перевод: *nećete, nećete pobjeći. Seljak će pobjeći* [с. 270].

3.2.3.2.2. Названия политических и общественных направлений и их представителей:

Прогрессисты – сторонники социального прогресса путем реформ. Ожидаемо, данная реалия была переданы при помощи замены чужим аналогом: *progresiści* на польском и *progresista* на хорватском. Это объясняется общностью основных европейских общественно-политических движений, их зарождением на Западе.

Русская реалия: **прогрессисты.**

Русский контекст: *слышал он, как и все, что существуют, особенно в Петербурге, какие-то прогрессисты, нигилисты, обличители...* [с. 388].

Польский перевод: *wiedział tylko, jak zresztą wszyscy, że gdzieś tam działają, zwłaszcza w Petersburgu, jacyś progresiści, nihilisci, denuncjatorzy i nie wiedzieć kto tam jeszcze...* [с. 303].

Хорватский перевод: *čuo je, kao i svatko drugi, da ima, osobito u Peterburgu, nekih progresista, nihilista, obličatelj* [с. 213].

Нигилисты – сторонники отрицания общепринятых ценностей. Здесь обнаруживается тот же случай, что и с предыдущей реалией: применены замены чужим аналогом (*nihiliści* на польском и *nihilista* на хорватском).

Русская реалия: **нигилисты.**

Русский контекст: *слышал он, как и все, что существуют, особенно в Петербурге, какие-то прогрессисты, нигилисты, обличители...* [с. 388].

Польский перевод: *wiedział tylko, jak zresztą wszyscy, że gdzieś tam działają, zwłaszcza w Petersburgu, jacyś progresiści, nihilisci, denuncjatorzy i nie wiedzieć kto tam jeszcze...* [с. 303].

Хорватский перевод: *čuo je, kao i svatko drugi, da ima, osobito u Peterburgu, nekih progresista, nihilista, obličatelja* [с. 213].

Обличители – при переводе этой реалии в польском был использован полный эквивалент немецкого происхождения: *denuncjator*. Хорватский же переводчик использовал более славянский аналог: *obličatelja*.

Русская реалия: **обличители**.

Русский контекст: *слышал он, как и все, что существуют, особенно в Петербурге, какие-то прогрессисты, нигилисты, обличители...* [с. 388].

Польский перевод: *wiedział tylko, jak zresztą wszyscy, że gdzieś tam działają, zwłaszcza w Petersburgu, jacyś progresiści, nihilisci, denuncjatorzy i nie wiedzieć kto tam jeszcze...* [с. 303].

Хорватский перевод: *čuo je, kao i svatko drugi, da ima, osobito u Peterburgu, nekih progresista, nihilista, obličatelja* [с. 213].

Раскольник – последователь церковного раскола, старообрядец. Как на польский, так и на хорватский данная реалия была передана методом транскрибирования: *raskolnik* в обоих языках. Подобный прием хотя и передает национальный и исторический окрас реалии достаточно исчерпывающе и сжато, но содержательный аспект устанавливается только в контексте, а также он может оказаться непонятым или воспринятым читателем неточно.

Русская реалия: **раскольник**.

Русский контекст: *а известно ли Вам, что он из раскольников...* [с. 485].

Польский перевод: *czy panu wiadomo, że on z raskolnikow się wywodzi?* [с. 379].

Хорватский перевод: *a znate li vi, da je on raskolnik...* [с. 266].

Сектант – последователь секты. Передача данной реалии была осуществлена путем применения замены своими аналогами: *sekciarz* в польском и *sektar* в хорватском.

Русская реалия: **сектант**.

Русский контекст: ...*модный сектант убежит- лакей чужой мысли...* [с. 492].

Польский перевод: *uciec może jakiś kmiotek lub nowoczesny sekciarz jakiś-taki sługus cudzej myśli...* [с. 384].

Хорватский перевод: *potodni će sektar pobjeći, - lakaj tuđe misli* [с. 270].

3.2.3.2.3. Названия верховных правителей и их титулы:

Государь, царь – верховный правитель российской монархии. Обе реалии были переданы на польский словом *cesarz* (император), несмотря на наличие фонетически более близкого эквивалента «car». В хорватском варианте переводчик употребил слово *car*.

Русские реалии: **государь, царь.**

Русский контекст: *к государю, к государю, к самому царю побегу, милосердному* [с. 423].

Польский перевод: *do cesarza, do samego cesarza pójdę, do nóg się litościwemu rzucę...* [с. 330].

Хорватский перевод: *poletjet ću caru, caru, samom caru milosrdnom* [с. 232].

3.2.3.2.4. Названия должностей:

Коллежская секретарша – гражданский чин десятого класса в Российской империи. На польский данная реалии передана заменой своим аналогом: *registratorowa kolegialna*. Хорватский переводчик использовал калькирование: *koleška sekretarka*.

Русская реалия: **коллежская секретарша.**

Русский контекст: ...*Алену Ивановну, коллежскую секретаршу, и сообщает ему ее адрес.* [с. 71].

Польский перевод: ...*Alonie Iwanownie, registratorowej kolegialnej i podaje mu jej adres* [с. 56].

Хорватский перевод: ...*da student govori časniku o lihvarici Aljoni Ivanovnoj, koleškoj sekretarki, i saopćuje mu njenu adresu.* [с. 38].

Губернатор – слово пришло в русский язык через польский (от лат. *gubernator*). Польский переводчик осуществил передачу реалии при помощи замены своим аналогом: *gubernator*. Хорватский же переводчик использовал транслитерирование: *gubernator* (губернатор на хорватском – *guverner*).

Русская реалья: **губернатор**.

Русский контекст: ...и при выпуске с шалью танцевала при *губернаторе* и при прочих лицах... [с. 19].

Польский перевод: ...i na balu abiturientek tańczyła z szarfą przed *gubernatorem* i innymi osobistościami... [с. 16].

Хорватский перевод: ... a na završetku je igrala pred *gubernatorom* i drugim ličnostima... [с. 11].

Надворный советник – гражданский чин седьмого класса в Российской империи. В польском переводе передано заменой своим аналогом: *radca dworu*. Хорватский же переводчик применил метод полукалькирования: *dvorski savjetnik*.

Русская реалья: **надворный советник**.

Русский контекст: ...что она дочь *надворного советника* и кавалера... [с. 415].

Польский перевод: ...że jest córką *radcy dworu* i kawalera... [с. 323].

Хорватский перевод: ...da je ona kći *dvorskoga savjetnika* i kavalira... [с. 228].

Статский советник – гражданский чин пятого класса в Российской империи. Польским переводчиком вновь использована замена своим аналогом: *radca stanu*. В хорватском переводе также вновь использована полукалька: *državni savjetnik*. Здесь можно снова отметить тенденцию хорватских переводчиков использовать славянизмы вместо заимствованных слов: несмотря на наличие слова *stacki*, было выбрано слово *državni*.

Русская реалья: **статский советник**.

Русский контекст: да и то *статский советник* Клопшток... [с. 21].

Польский перевод: *i oto radca stanu Iwan Iwanowicz Klopstock...* [с. 17].

Хорватский перевод: *pa onda državni savjetnik Klopstock...* [с. 12].

Выводы по главе III

Исходя из классификации русских реалий произведений Ф. М. Достоевского, сформулированной в параграфе 3.1, были установлены нижеследующие группы реалий: 1. Географические; 2. Этнографические: 2.1. Бытовые реалии: 2.1.1 Кулинарные реалии; 2.1.2. Реалии, называющие предметы одежды, обуви и головные уборы; 2.1.3. Реалии, называющие жилые постройки, помещения, их части, а также предметы мебели и домашнего обихода: 2.1.3.1. Реалии, называющие сооружения, жилые постройки и их части; 2.1.3.2. Реалии, называющие помещение, его части; 2.1.3.3. Реалии, называющие предметы мебели и домашнего обихода; 2.1.4. Реалии транспорта; 2.2. Реалии труда и досуга; 2.3. Реалии культуры, искусства, религии: 2.3.1. Реалии, относящиеся к культуре и искусству; 2.3.2. Реалии, относящиеся к религии; 2.4. Реалии-меры; 2.5. Реалии-деньги; 3. Общественно-политические реалии: 3.1. Административно-территориальные реалии; 3.2. Реалии государственного устройства: 3.2.1. Реалии, называющие сословное положение; 3.2.2. Реалии, называющие политические и общественные направления и их представителей; 3.2.3. Реалии, называющие верховных правителей и их титулы; 3.2.4. Реалии, называющие должности.

Исследование подходов к переводу русских реалий с учетом их тематических групп показало следующие закономерности их применения:

- 1) Наименее частотной является группа географических реалий: в нашей работе представлено всего 1 русская географическая реалия. Будучи названием объекта физической географии, данная реалия была передана путем замен своими аналогами. Связано это с тем, что носители исходного языка и языка перевода проживают в целом в сходных природных условиях.

- 2) Количество кулинарных реалий в произведении было довольно значительно. В нашей выборке присутствует 5 кулинарных реалий. При передаче реалий данной группы часто используются транскрипция и транскрибирование, но также и замена своими аналогами.
- 3) Реалии, называющие предметы одежды, обуви и головные уборы, в данной работе относятся большей своей частью к историческим реалиям дореволюционной России. В данную группу мы отобрали 6 реалий. Чтобы осуществить передачу данных реалий на свои языки, переводчики в основном применяли уподобляющие, а также механические приемы передачи реалий.
- 4) Реалии, называющие жилые постройки, помещения, их части, а также предметы мебели и домашнего обихода, представлены в данной работе в количестве 8 лексических единиц. Практически полностью данная группа передается заменой польскими и хорватскими аналогами. В тех случаях, когда реалии были давно усвоены данными славянскими языками, передача осуществлялась традиционным транскрибированием.
- 5) Реалии транспорта в работе представлены в количестве 3 единиц. Все эти реалии относятся к историческим и достаточно часто встречаются в произведении. Переводчики передали их как при помощи транскрибирования, так и путем использования замены своим аналогом и родовидовых замен.
- 6) Реалии труда и досуга в работе имеются в количестве 5 единиц. Большинство из них относится к историческим. При осуществлении их передачи переводчики в основном применяли замены своими и чужими аналогами.
- 7) Реалий культуры, искусства и религии в работе выбрано 7 единиц. В основном данная группа реалий передается при помощи методов транскрибирования и транслитерирования, а также заменой чужими и своими аналогами.
- 8) Группа реалий-мер в работе состоит из 6 единиц. Все они относятся к устаревшим русским понятиям, ныне более не используемым. Данные реалии зафиксированы в двуязычных

словарях и передаются методами транскрибирования и транскрипции, а также при помощи замены чужим аналогом.

- 9) Реалии-деньги часто встречаются в «Преступлении и наказании». В нашей работе их 4 единицы. При их передаче переводчики принимали во внимание стилистику текста: стилистически нейтральные названия передавались методами транскрибирования и транскрипции, в то время как разговорные названия денег передавались при помощи описания или добавления сносок с пояснениями. Тем не менее, переводы данных реалий не всегда были удачны.
- 10) Административно-территориальные реалии в работе представлены в количестве 1 единицы. При переводе использовался метод транскрибирования.
- 11) Реалии государственного устройства являются самой значительной группой: 14 единиц. При осуществлении передачи данной группы реалий переводчики наиболее часто применяли транскрибирование, пояснения, а также замены своим, и чужим аналогом. Использовались также описание и калькирование.

Значительная вариативность приемов передачи реалий, применяемых переводчиками, приводит к некоторому объему переводческих потерь. В какой-то мере данные смысловые потери покрываются при помощи использования сочетаний приемов, выстроенных на базе транскрипции (иногда транслитерации) и калькирования с дальнейшим указанием пояснительных ссылок или комментариев. Подобные пояснения частично позволяют проникнуться спецификой культуры, быта и социополитического устройства Российской империи XIX века.

Стоит отметить, что время написания перевода также имеет значительное влияние на выбор того или иного переводческого приема. Так, переводоведение как отдельная наука стала развиваться лишь в 1950-х годах, а выделение реалий в особый отдельный пласт лексики и уделение им большего внимания произошло лишь в 1970-х годах. В следствие этого, более ранние переводы часто зависели в немалой степени от «языкового чутья» переводчиков. Начиная с 1970-х годов, переводы приблизились к современному виду, но даже и тогда следует отметить тот факт, что переводы со временем устаревают.

Большую роль играет и происхождение переводчика, культурно-исторический фон, обстановка и регион, где расположена его страна: так, было отмечено, что благодаря географической близости России и Польши, переводчики чаще применяют транскрипцию и транскрибирование вместо замены своими аналогами; в Хорватии же в свете событий последнего столетия имеется тенденция избегания использования заимствованных слов на фоне предпочтения слов со славянскими корнями и особенно хорватских аналогов, избегаются турцизмы и германизмы; польские переводы, напротив, отмечаются более частотным использованием германизмов, что обуславливается историческим прошлым, особенностями менталитета и географическим расположением страны.

Заключение

Перевод, будучи видом межъязыковой коммуникации, определяется как процесс, направленный на воссоздание исходного текста в отличающейся культурно-языковой среде в виде вторичного текста. Начав с нахождения лингвистических соответствий между языком оригинала и языком перевода, переводческая теория двигалась по пути понимания переводческой деятельности как многостороннего феномена, в ходе которого сопоставляются не только лишь формы языка, но также и языковая картина мира, различные компоненты отдельных ситуаций общения и экстралингвистические обстоятельства, то есть все то, что включается в понятие культуры. Таким образом, в процессе создания перевода возникает не только отношения между двумя языками, но и взаимодействие двух лингвокультур. Каждый язык является носителем некоторых уникальных черт культуры, быта и истории определенного народа; восприятие же этих языковых единиц может вызывать сложности у носителей других языков и культур, при этом наиболее распространенными из подобных единиц являются реалии, что указывает на необходимость уделения им особого внимания при переводе.

Проведенный анализ трудов по переводоведению, лингвокультурологии, этнолингвистике, лингвострановедению и смежным дисциплинам продемонстрировал, что невзирая на то, что понятие «реалия» часто применяется соответствующими специалистами, ясных общих для данных дисциплин критериев его определения нет. В переводоведении реалиями называют лексемы, называющие предметы и явления, обычаи и обряды, уникальные для одной культуры и отсутствующие в другой. Особо отмечается их безэквивалентность и ограничение областью апеллятивной лексики. Из этого следует, что в переводоведении понятие реалии более конкретизировано и сужено в сравнении с определениями данного понятия в сопредельных дисциплинах; данный факт имеет определяющее значение при выборе переводческих приемов для передачи этого уровня лексики на язык перевода. Конкретизация объема понятия «реалия» дала нам возможность обнаружить русские реалии в романах Ф. М. Достоевского, а также классифицировать и разделить их на специальные тематические группы для того, чтобы

проанализировать специфику применения различных переводческих приемов в отношении каждой группы реалий.

Анализ подходов к систематизации приемов передачи реалий советских, российских и зарубежных специалистов со времен возникновения переводческой науки как независимой дисциплины и до наших дней продемонстрировал ход эволюции переводоведения и градуального возрастания его взаимосвязанности со смежными науками, как то: лингвокультурологией, теорией международной коммуникации, этнолингвистикой и пр. Были отмечены три этапа данного процесса, которые добавляли новые пласты знания и практики, поднимая теорию приемов передачи реалий на все новые уровни.

Приемы передачи реалий были классифицированы и разделены на несколько групп. В качестве базиса данной классификации были указаны формально-семантические языковые отношения, обозначающие типы потенциального межъязыкового взаимодействия между исходным текстом и текстом перевода. Были определены четыре основные группы приемов передачи реалий. К первой были отнесены приемы механической передачи, как то: транслитерирование, транскрибирование и прямой перенос. Второй группой были выделены приемы создания новых лексем: полное и частичное калькирование, введение автором собственных неологизмов. В качестве третьей группы были выделены разъясняющие приемы: описание, пояснение. И, наконец, к четвертой группе были отнесены уподобляющие приемы: замены своим, чужим и контекстуальным аналогами, родовидовые замены. В тексте работы были изложены основные свойства каждого из приемов, а также указаны слабые и сильные стороны их использования на практике.

Были отмечены определенные закономерности выбора приёмов перевода и их сочетаний для передачи реалий, относящихся к разнообразным типовым группам, принимая во внимание исторически-хронологический контекст создания переводов: так, географические и денежные реалии в относительно современных переводах (последней четверти XX века и начала XXI века) в большинстве случаев передаются посредством транскрибирования. Данный факт указывает на важность этого пласта лексики. Более ранними переводчиками для передачи данных реалий применялись

менее точные методы, например, замена контекстуальным аналогом. При этом в случаях перевода реалий, не имеющих значительной смысловой нагрузки в конкретном контексте, все ещё нередко используется приблизительный перевод в форме замен при помощи своего, чужого или контекстуального аналога. Транслитерирование (транскрибирование) наиболее часто применяется при осуществлении перевода контекстуально важных реалий, называющих виды транспорта, объектов искусства, культуры и религии, государственного устройства, национальной кухни, как в переводах нашего времени, так и в более ранних переводах. Переводы, начиная с 1990-х годов, демонстрируют тренд на применение транскрибирования с использованием затекстовых сносок. Часть данных реалий переводится с применением приблизительных методов передачи реалий, иногда с использованием калькирования. Реалии, не имеющие значительной контекстуальной смысловой нагрузки, по большей части передаются переводчиками путем использования приблизительных приемов. Хорватские и польские переводчики часто применяют уподобляющие приемы при осуществлении передачи контекстуально значимых реалий, называющих понятия административно-территориального устройства Российской империи 19-го века, относящиеся к понятиям труда и досуга, зданий, строений и их частей, а также предметы быта, одежды и пр. Не было найдено ни одного применения внутритекстовых пояснений или затекстовых сносок, примененных к этим группам реалий. Данный факт можно объяснить следующими причинами: 1) реалии из этих групп обозначают слова, которые уже долгое время не находятся в общераспространенном употреблении языка оригинала и, следовательно, незнакомы или малознакомы основной массе читателей; 2) реалии данных групп имеют меньшую контекстуально-смысловую нагрузку и значимость в сравнении с другими реалиями, такими как денежные реалии, реалиями мер или реалиями, обозначающими наименования национальных блюд.

Исходя из частотности использования переводчиками тех или иных приемов передачи реалий, имеется возможность обнаружить общее стремление к обеспечению максимально точной, адекватной и эквивалентной передаче содержания, с уделением все большего внимания передаче культурного контекста и национально-специфичной

лексики, в том числе реалий в польских и хорватских переводах произведений Ф. М. Достоевского.

В ходе установления наиболее важных факторов создания адекватного перевода текста стоит вновь указать на то, что наравне с передачей коннотативно-ассоциативного наполнения реалий, к ним относятся также передача национального колорита, авторской манеры и стиля и прочие главным образом художественные компоненты текста, воссоздание которых может быть осуществлено лишь в процессе творческого акта. На сегодняшний день как перевод реалий, так и межславянский перевод в принципе, находятся под динамичным воздействием внелингвистических факторов, в том числе социокультурных, социополитических, экономических (например, современное состояние редакционно-издательского процесса и книжного рынка). Перевод, в своей основе должный быть творческим процессом, на практике встраивается в ныне действующие условия жизни общества, положение его культуры, политики и экономики в стране языка перевода. Так, объем текстов может ограничиваться и выпускаться без примечаний. Один из важных внелингвистических факторов, стоящих на пути передачи реалий, относится в первую очередь к разнице в восприятии одних и тех же фактов культуры и истории в различающихся лингвокультурах. Состояние дел в сферах политики, культуры и обстановка в обществе в славянских странах в целом влияет не только на выбор произведения для перевода, но и на восприятие читателем суждений, мировоззрения и особенностей стиля автора, выраженных им как эксплицитно, так и имплицитно.

Большое значение для создания адекватного перевода имеет уровень социокультурной образованности переводчика. Интеллектуальная деятельность языкового посредника (то есть переводчика) существенно превосходит таковую участников моноязычного обмена. Для того, чтобы добиться нужного коммуникативного эффекта, переводчику следует не только владеть многогранными основополагающими знаниями, но и обладать навыками анализа и сравнения различающихся лингвокультур, проецировать компоненты одной культурной среды через мировосприятие иной, предвидеть то, как они будут восприниматься в мировоззрении чужого сознания. Языковому посреднику необходимо обладать знанием истории государства и народа, понимать ход их социополитической и

экономической эволюции, иметь сведения о важных текущих событиях и новостях из жизни общества, о политических, научных и культурных деятелях и их общественно значимых деяниях, о народных традициях и обычаях, государственном строе, социально-политической ситуации в стране и т. д. Более того, следует принимать во внимание также и специфику национального менталитета представителей иной культурной среды, особые черты их мировосприятия, особенности невербального поведения.

Благодаря осуществленному анализу можно отметить некоторые новые направления, относящиеся к изучению перевода реалий: исследование закономерностей использования разнообразных приемов перевода и их сочетаний в различном контексте и на материале хорватского и польского языка, создание русско-польского и русско-хорватского словарей русских реалий романов Ф. М. Достоевского.

Список использованной литературы

- 1) *Арсенова И.* Найден Геров и българско-руските отношения // Найден Геров в историята на българската наука и култура: Материали от Националната конференция с международно участие, 13-15 ноември 2000, София / Българска Акад. на науките. Ин-т за български език; Съст. Веса Кювлиева-Мишайкова. – 210 София: Проф. Марин Дринов, 2002. – С. 210-215.
- 2) *Бартминьский Е.* Роль этимологии в реконструкции языковой картины мира // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Международ. науч. конф., Екатеринбург, 8-10 сентября 2012 г.: в 2 ч. Ч. 1 / [ред. кол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др.]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – С.10-12.
- 3) *Бирюкова О. А.* Экспрессивные возможности прецедентных онимов в художественном тексте / О. А. Бирюкова // Казанская наука. – Казань, 2012. – № 6. – С. 135-138.
- 4) *Быкова Г. В.* Лакуны в языковой картине мира амурчан / Г. В. Быкова // Лакуны в языке и речи / БГПУ — Благовещенск, 2005. — Вып. 2. — С. 25 — 31
- 5) *Быкова О. И.* Этноконнотация как вид культурной коннотации (на материале номинативных единиц немецкого языка). Воронеж, 2005.
- 6) *Верещагин Е. М.* Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В. Г. Костомаров — М.: Русский язык, 1980. — 320 с.
- 7) *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Об учебном лингвострановедческом словаре безэквивалентной лексики //Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам: Сб. статей. - М., 1974. - С. 24-32.
- 8) *Виноградов В. В.* О языке художественной прозы: Избранные труды / Акад. наук СССР, Отд. лит. и языка; отв. ред. Г. В. Степанов. – М.: Наука, 1980.
- 9) *Влахов С. И.* Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 1986 — 416с
- 10) Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сб. статей. - Отв. ред. *В. Н. Комиссаров.* М. Междунар. отношения, 1978. -229 с.
- 11) *Воробьев В. В.* Лингвокультурология. - М.: Изд-во РУДН, 2008. - с. 44-45
- 12) *Глухова С. Л.* Коннотация как объект лингвистических исследований // Актуальные проблемы лингвистики XXI века: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. В. Н. Оношко. – Киров: Изд-во ВятГУ, 2010. – С. 58-60.

- 13) *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2003. – 286 с.
- 14) *Гюббенет И. В.* Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. – М.: Издательство МГУ, 1991. – 208 с.
- 15) *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание - М.: Эксмо, 2019. - 592 с.
- 16) *Иванов А. О.* Безэквивалентная лексика: учебное пособие / А. О. Иванов. – СПб.: Филол. фак. С.-Петербур. гос. ун-та: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. – 190 с.
- 17) *Игнатович М. В.* Культурная адаптация интертекстуальных включений при переводе произведений английской литературы XX века: дис... канд. филол. наук / М. В. Игнатович. – М., 2011. – 168 с
- 18) *Кабакчи В. В.* Англо-английский словарь русской культурной терминологии / В. В. Кабакчи. — СПб: Союз, 2002. — 576 с.
- 19)
- 20) *Ковтун Л. С.* Языкознание у восточных славян в XI-XV вв. // История лингвистических учений: Позднее Средневековье / Отв. ред. А. В. Десницкая. – СПб: Наука, 1991. – С. 182-207.
- 21) *Комиссаров В. Н.* Слово о переводе / В. Н. Комиссаров. — М.: Межд. отн., 1973.— 215 с.
- 22) *Комиссаров В. Н., Рецкер Я. И., Тархов В. И.* Пособие по переводу с английского языка на русский. Учеб. пособие. — М.: Изд-во Литературы на иностранных языках, 1960. — 175с
- 23) *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005
- 24) *Левый И.* Искусство перевода / И. Левый. — М: Прогресс, 1974. — 128 с.
- 25) *Липатов А. В.* Польская литература [XVII в.] – 1987
- 26) *Лихачев Д. С.* 1979. Поэтика древнерусской литературы 3-е изд., доп. rd ed., Москва: Наука.
- 27) *Маслова В. А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – 2-е изд., стереотип. – М.: Академия, 2004. – 208 с.
- 28) *Мещерский Н. А.* Источники и состав древней славяно–русской переводной письменности IX–XV веков: (Учеб. пособие). – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1978, §2. Язык древнеславянской переводной письменности
- 29) *Мирам Г. Э.* Профессия: переводчик / Г. Мирам. – Киев: Ника-центр, 1999. – 158 с

- 30) *Попова З. Д., Стернин И. А.* Язык и национальное сознание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Изд. 3, перераб. и доп. – Воронеж: Истоки, 2007. – 61 с.
- 31) *Рогов А. И.* Проблемы славянского барокко // Славянское барокко: историко-культурные проблемы эпохи: сборник / редкол.: А. И. Рогов и др. – М.: Наука, 1979. – С. 3-12.
- 32) *Сербско-хорватский язык: Историко-культурные тексты / Сост. А. Д. Дуличенко.* – Тарту: ТГУ, 1986. – 139 с
- 33) *Синявская-Суйковска Т. В.* Восприятие чужого в Польше и России: заимствования, перевод и межкультурная коммуникация Назаренко / Т.В. Синявская-Суйковска // Русский язык и культура в зеркале перевода: Материалы II международной научной конференции. – М.: Высшая школа перевода МГУ, 2010. – 508-512 с.
- 34) *Станкевич Р.* Янка Купала, Якуб Колас и Максим Богданович в Болгарии: Электронно издание. ЕИ «LiterNet», Варна. – Първо издание, 2005.
- 35) *Стернин И. А.* Национально-культурные компоненты в структуре значения слова // Лингвострановедческий аспект в преподавании русского языка как иностранного. Воронеж, 1984. С. 140-145.
- 36) *Супрун А. Е.* Экзотическая лексика / А. Е. Супрун//Филологические науки. — 1958. — № 2. — С. 50 — 54
- 37) *Тодоров Т. Г.* Особенности антропонимической системы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и её передача в болгарском и английском переводах романа / Т. Г. Тодоров // Русский язык за рубежом. – 1995. – № 2-3. – С. 84-87.
- 38) *Толстой Н. И.,* 1988. История и структура славянских литературных языков, Москва: Наука, с.63
- 39) *Томахин Г. Д.* Реалии через американизмы. — М. : Высш. шк., 1988.
- 40) *Топер П. М.* Перевод в системе сравнительного литературоведения / П. М. Топер. – Изд. 2-е. – М.: Наследие, 2001.
- 41) *Турилов А. А.* 2012. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: этюды и характеристики, Москва: Знак издатель А. Кошелев.
- 42) *Федоров А. В.* Основы общей теории перевода: Лингвистический очерк. - Изд. 3-е, перераб. и доп. - М. : Высш. школа, 1968.
- 43) *Федоров А. В.* Искусство перевода и жизнь литературы: Очерки / А. В. Фёдоров. – Л.: Советский писатель, 1983.
- 44) *Федоров А. В.* Основы общей теории перевода. Лингвистические проблемы / А. В. Федоров. — СПб.: Филология, 2002. — 416 с.
- 45) *Финкель А. М.* Об автопереводе// Финкель А. М. Теория и практика перевода. – Л., 1962.

- 46) *Фомичев С. А.* «Песни западных славян» Пушкина: История создания, проблематика и композиция цикла // Духовная культура славянских народов: Литература. Фольклор. История. Сб. ст. к IX Междунар. съезду славистов / АН СССР, Ин-т рус. лит.; Редкол.: М. П. Алексеев и др. – Л.: Наука: Ленингр. отд., 1983. – С. 130-144
- 47) *Чернов Г. В.* К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык // Ученые записки 1-го МГПИИЯ, т. XVI. М., 1958
- 48) *Јовановић М.* О превођењу. Техника превођења // М. Јовановић. – Београд: Удружење научних и стручних преводаца Србије, 2001. – 168 с
- 49) *Balcerzan E.* Poetyka przekładu artystycznego // E. Balcerzan. Oprócz głosu: szkice krytyczno-literackie. – Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1971. – S. 233-248
- 50) *Božić R.* «Majka Margarita» u prijevodima na ruski jezik / R. Božić. – Croatica et Slavica Iadertina. – Vol. X/I. – Zadar, 2014. – S. 231-238.
- 51) *Gurtler K.* Landeskunde — ein unmögliches Fach aus Deutschland / K. Gurtler, T. Steinfeld // INFO DAF. — 1990. — № 3. — S. 250 — 258.
- 52) *Grosbart Z.* Specyfika przekładu w ramach języków słowiańskich // Poetyka i stylistyka słowiańska / Zredagowała i uwagami wstępnymi opatrzyła S. Skwarszyńska. – Warszawa: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1973. – S. 111-119
- 53) *Iso Velikanović /* Fjodor M. Dostojewski – Zločin i kazna. // Mala biblioteka / Mozaik knjiga ; knj. 48. ISBN 978-953-14-0057-2. 521 str.;
- 54) Hrvatski jezični portal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hjp.znanje.hr/>
- 55) *Krocak J.* Polskie badania filozofii Fiodora Dostojewskiego.- Zielona Góra : Uniwersytet Zielonogórski, Slavia orientalis TOM 7 NR 3, 2013 S. 405-420,
- 56) *Muller B. D.* Interkulturelle Verstehensstrategien — Vergleich und Empathie / B. D. Muller // Kulturkontraste im DaF-Unterricht / Judicium. — Munchen, 1988. —S. 33 —84.
- 57) *Newmark P.* Approaches to Translating / P. Newmark — Oxford: Pergamon Institute of English, 1981. — 200 p.
- 58) *Puntaka K.* Zarys problematyki tłumaczeń braci karamazow Fiodora Dostojewskiego na języku polski. - Wrocław : Uniwersytet Wrocławski, Litteraria XXXIX 2012 PL ISSN 0084-3008. 2012 S. 95-104.
- 59) *Zbigniew Podgórzec /* Fiodor Dostojewski - Zbrodnia i kara. - Kraków: Wydawnictwo GREG. 2019 - 496 с.

список словарей

- 1) Польско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.babla.ru/%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/>
- 2) РЕЧНИК перевод сербско-русский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://classes.ru/all-serbian/dictionary-serbian-russian-term-19809.htm>
- 3) Српски речник- Вокабулар [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vokabular.org/>
- 4) Języki słowiańskie: Transkrypcja a transliteracja [Электронный ресурс] // 268 Forum Tłumaczy mLingua. – Режим доступа: <http://forum.mlingua.pl/archive/index.php/t-20901.html>
- 5) Słownik języka polskiego [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sjp.pl>.